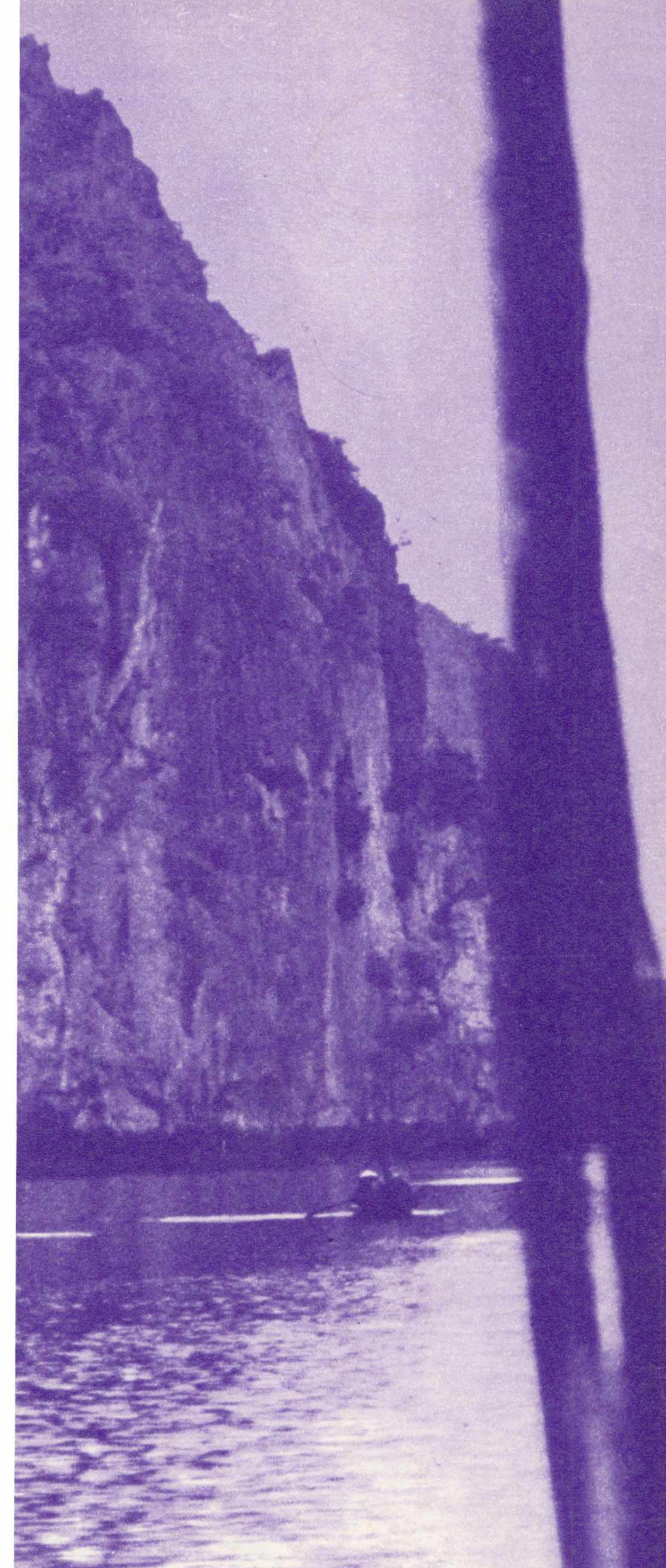

ЭТОТ НОМЕР
ПОСВЯЩАЕТСЯ
БРАТСКОМУ
ГЕРОИЧЕСКОМУ
ВЬЕТНАМСКОМУ
НАРОДУ

SỐ ĐẶC BIỆT
NÓI VỀ
NHÂN DÂN
VIỆT NAM
ANH HÙNG

МУЖЕСТВЕННЫ И НЕПОБЕДИМЫ ТВОИ ЛЮДИ, ВЬЕТНАМ. ПРЕКРАСНЫ ТВОИ ЗЕМЛИ И ВОДЫ. ЧУДЕСНЫ МЕЛОДИИ ТВОИХ ПЕСЕН.

Фото Г. МАКАРОВА и А. СЕРБИНА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 21 (2186)

Основан 1 апреля 1923 года

24 МАЯ 1969

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, ДРУГИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ ПРОГРЕССИВНЫМИ СИЛАМИ БЫЛИ, ЕСТЬ И БУДУТ НА СТОРОНЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ВЬЕТНАМА В ЕГО СПРАВЕДЛИВОЙ БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ. МЫ И ВПРЕДЬ БУДЕМ ОКАЗЫВАТЬ БОРЮЩЕМУСЯ ВЬЕТНАМУ НЕОБХОДИМУЮ ПОМОЩЬ В ЕГО БОРЬБЕ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ, ЗА ПРАВО СТРОИТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ ТАК, КАК ЭТОГО ХОТЯТ САМИ ВЬЕТНАМЦЫ.

Л. И. БРЕЖНЕВ

ВЬЕТ В БОР

Президент Демократической Республики Вьетнам товарищ Хо Ши Мин передал эту фотографию журналу «Огонек» с надписью: «С сердечным приветом от тех, кто полон решимости победить».

ХО ШИ МИН

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С НОВЫМ ГОДОМ[1]

Победой озарен минувший год,
Победно входит Новый в шуме веток.
В единстве за Свободу — в бой, вперед,
Чтоб янки — вон, и прочь — марионеток!
Сольются Север с Югом в битвах этих.
Прекрасная весна в наш край идет!

Перевел Н. Грибачев.

[1] Новый год по лунному календарю — традиционный праздник во Вьетнаме. Обычно его отмечают в конце января — начале февраля, когда здесь наступает весна.

Интервью премьер-министра Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Донга журналу «Огонек»

Вопрос. Каких успехов добилась Демократическая Республика Вьетнам в строительстве социализма?

Ответ. После 1954 года, то есть после нашей победы при Дьен Бьен Фу и Женевского совещания, народ Севера Вьетнама под руководством Партии трудящихся Вьетнама активно приступил к строительству социализма: претворил в жизнь социалистические преобразования, начал социалистическую индустриализацию и осуществление идеологической и культурной революции.

Были созданы и получили развитие социалистические производственные отношения. Большого успеха добились сельское хозяйство, промышленность и все другие отрасли народного хозяйства. Бурно и быстро развивались народное образование и культура. Все эти успехи социализма привели к подъему духовного и материального уровня жизни населения.

Социалистический строй вышел победителем из сурового испытания: добился победы в борьбе против американской разрушительной военно-воздушной и военно-морской войны против ДРВ. Несмотря на войну и именно в ходе ожесточенной войны непрерывно укрепляются политическая сила строя, единство народа, его неразрывная связь с делом социализма, а также потенциал экономики и национальной обороны ДРВ.

В настоящее время мы продолжаем строительство социализма, одновременно готовя условия бурного развития экономики и культуры для последующего строительства развитого социалистического общества.

Вопрос. Как проходит борьба героического вьетнамского народа против американской агрессии?

Ответ. Борьба нашего народа против американской агрессии, за национальное спасение и строительство социализма является апогеем тысячелетнего процесса защиты и строительства родины. В ходе народной войны против американской агрессии максимальное развитие получили патриотизм, героизм, интеллектуальные и творческие силы нашего народа, который в ходе борьбы становится все сильнее и одерживает все более крупные победы. Мы одержали победу над американской разрушительной вой-

НАМ
ЬБЕ

ной против ДРВ и сейчас побеждаем американских империалистов, совершающих агрессию в Южном Вьетнаме.

Наш народ очень любит мир, но это должен быть подлинный мир, мир в условиях национальной независимости и свободы.

В настоящее время администрация президента Никсона продолжает расширять агрессивную войну в Южном Вьетнаме, совершает новые, чрезвычайно жестокие преступления, непрерывно посягает на безопасность и суверенитет Демократической Республики Вьетнам и одновременно продолжает упорствовать на переговорах в Париже.

Наш народ полон решимости продолжать расширение военной, политической и дипломатической борьбы во имя полной победы, освобождения Юга, защиты Севера и достижения мирного объединения родины.

Вопрос. Какую роль играет в борьбе вьетнамского народа сотрудничество с Советским Союзом — выражение пролетарского интернационализма и идей марксизма-ленинизма?

Ответ. Мы неоднократно подчеркивали, что все наши победы, как прежде, так и в настоящее время и в будущем неразрывно связаны с солидарностью, поддержкой и огромной помощью Советского Союза и других социалистических стран, которую они нам оказывают в соответствии с принципами пролетарского интернационализма и великим призывом Маркса и Ленина: «Пролетарии и угнетенные народы всех стран, соединяйтесь!» Победы в борьбе против американской агрессии, за национальное спасение, будучи победами вьетнамского народа, одновременно являются победами марксизма-ленинизма, победами интернациональной солидарности социалистических стран, победами коммунистического и рабочего движения и победами народов всего мира.

Наш народ под руководством партии, во главе которой стоит президент Хо Ши Мин, решительно сражается, решительно побеждает и непременно добьется полной победы во имя наших национальных интересов, во имя интересов народов всего мира: мира, национальной независимости, демократии и социализма.

1970 год является годом 100-летия со дня рождения великого Ленина. Мы готовимся самым широким и значительным образом отметить во Вьетнаме эту великую дату.

Вопрос. Что бы вы могли сказать через журнал «Огонек» его читателям и всему советскому народу?

Ответ. В сердцах вьетнамского народа — самые искренние, глубокие чувства к братскому советскому народу, к советским людям — наследникам и продолжателям революционного дела Октября и великого Ленина. Желаю советскому народу под руководством Коммунистической партии Советского Союза добиться новых замечательных успехов в строительстве материально-технической базы коммунизма и в защите мира во всем мире.

Шлю дружеский привет и наилучшие пожелания читателям «Огонька».

СУАН ЗИЕУ

ЖИЗНЬ, НИКОГДА НЕ КОНЧАЮЩАЯСЯ

Фрагмент

...В тот миг, когда небо вместе с землей летит в стремительной круговерти,
По каким приметам, скажите мне, можно жизнь отличить от смерти?
Их машины, тараня наши дома, не оставляют камня на камне.
Их солдаты, врываясь в наши дома, уходят с набитыми рюкзаками.
Бен Сук, не забудь об этом, Бен Сук, пусть печаль твоя будет строга и сурова.
Здесь пять тысяч ни в чем не повинных людей американцы лишили крова.
Здесь ненависть нам обожгла сердца, здесь мы горе хлебнули полною мерой,
И земля, что всегда зеленой была, вдруг в одно мгновение стала серой.
Неужели этим разрытым полям никогда не оправиться от увечья?!
На пустых пепелищах — одни столбы там, где было когда-то жилье человечье.
Но прямое не называют кривым, как рассветы нельзя перепутать с ночами,
Но упрямая жизнь, как ни гни ее, никогда не склоняется пред палачами,
И свободное сердце, не покорясь, со свободным сердцем ведет беседу,
И там, где убить не смогли любовь, там жизнь всегда торжествует победу.
Потому-то, изгнанные с земли, породнившиеся с бездомной судьбою,
Мы Бен Сук не отдали в руки врагов, мы в сердцах его унесли с собою.
А врагам досталась лишь куча золы да еще пожарища в мертвой зоне.
Так была похоронена их мечта о наступленье в сухом сезоне.
Сколько раз отсюда бежали они, рану зализывая на ране,
Еще и сегодня трупы врагов увидишь брошенными в Кхесане.
Еще на аэродроме Тю-лай дымят обгорелые головешки.
Американцы своих мертвецов домой волокут в суматохе и спешке.
Стоят самолеты, задрав хвосты, взрывом застигнутые на взлете.
Но все равно вы останки все в мешки из нейлона не соберете,
Так справедливость дает здесь бой, так честь остается всегда неизменной.
Так громко наши стучат сердца, что слышен их стук во всей вселенной.

А жизнь опять окликает нас, опять к нам протягивает свою руку.
И становится в тысячи раз сильней любовь, отвергающая разлуку.
Мы пролили пот, и теперь он здесь — в каждой посадке, в любом посеве.
Мы пролили кровь, но проложен путь, соединяющий Юг и Север.
Открывайтесь же навстречу весне, розовые остроконечные почки,
Пробивайтесь на неокрепших ветвях, клейкие молодые листочки.
Нам понятно ваше стремленье вверх, ваша боль и радость, любовь и мука.
Вы слабы на вид, но тверды, как сталь, маленькие побеги бамбука.
Жизнь везде и всюду берет свое, пусть еще ваши стебли тонки, как нити.
Поднимайтесь с деревьями старыми в ряд, распрямляйтесь, проталкивайтесь, растите.
Пусть кричат птенцы на все голоса, пусть встают ростки из пепла и пыли.
Мы решили жизнь в обиду не дать, мы грудью своей ее заслонили.
Обязательно солнцу надо светить, уходя за тучи лишь временами.
Небо ясным должно быть над головой, и земля надежной должна быть под нами.
Что для вас, чужеземцы, и солнце и дождь,— вы по нашей земле расползлись, как слизни.
Ну так знайте:
За вами — лишь только смерть,
А за нами — само продолженье жизни.

Перевел Мих. Матусовский.

ТЯГЧАЙШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА — только так можно охарактеризовать все то, что совершили и совершают сейчас на земле Вьетнама американские империалисты. Это преступление происходит в последней трети нашего века — века торжества разума. Апостолы «свободного мира» превратили величайшие достижения науки и техники в ураган смерти, обрушили его на миролюбивый вьетнамский народ. Этот ураган превращает в руины вьетнамские города и деревни, рушит древние памятники культуры, уничтожает жизнь. Человечество возмущено этими преступлениями, требует их немедленного прекращения и справедливого возмездия.

Руины на дорогах Вьетнама.

Ханойская девочка — жертва эскалации.

АГРЕССОРЫ И ИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

После бомбардировки...

Американский пилот Уэсли Льюис, самолет которого был подбит в небе ДРВ.

Лейтенант военно-морских сил США Ричард Таджимэн.

Фото специальных корреспондентов «Огонька» Г. Макарова, Г. Копосова, Вьетнамского Информационного Бюро, Т. Биллхардта (ГДР).

Хайфон...

• НА ВЕНЕРЕ — ГЕРБ СТРАНЫ СОВЕТОВ
• В. И. ЛЕНИНУ ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОДВИГ
• ВПЕРВЫЕ — КОСМИЧЕСКИЙ ДУЭТ

Сто тридцать дней позади, 350 миллионов километров позади. Позади героический труд рабочих, техников, инженеров, ученых, которые строили и испытывали автоматические станции.

Планета тайн. Еще Михаило Ломоносов нашел, что она «знатною окружена атмосферою, коли бы не большею, какова обливается кругом нашего шара земного». Это было замечательное предположение. Но для уточнения остальных сведений о Венере понадобились рожденные XX веком методы радиозондирования, а больше всего — полеты советских автоматических станций, которые прилетели к ней и подружились — опускались на ее поверхность, доставляли памятные вымпелы.

18 октября 1967 года «Венера-4» совершила мягкий спуск в атмосфере планеты. Она рассказала о тяжелых, поистине нечеловеческих условиях, которые существуют в атмосфере нашей космической соседки: жара — до 270 градусов Цельсия, давление — до 20 атмосфер. Есть предположение, что у самой поверхности Венеры давление как на больших морских глубинах.

...Это случилось 16 мая 1969 года. Затихла станция. В густой атмосфере сгорел орбитальный отсек. Но раздался голос спускаемого аппарата, начиненного совершенной научно-исследовательской аппаратурой. На Землю полетели бесценные данные, рассказывающие нам о тайнах Венеры.

Сутки спустя в 300 километрах от места входа станции «Венера-5» ее космическая сестра — «Венера-6» — начала свой стремительный спуск. И снова волнения в Центре дальней космической связи. И снова успех: спускаемый аппарат «Венеры-6» также совершает посадку на ночной стороне планеты.

В процессе спуска с помощью научной аппаратуры были измерены химический состав, давление, плотность, температура атмосферы. Впервые в истории человечества научные исследования Венеры были проведены комплексно — с помощью космического дуэта — и фактически одновременно, в двух ее районах.

Четыре минуты требуется радиолучу, чтобы пройти огромный мост Венера — Земля. За эти четыре минуты сгусток информации может затеряться в нестройном хоре космических радиоголосов, из которых самый громкий — наше Солнце. Какой же точной должна была быть ориентация параболических остронаправленных антенн станций «Венера-5» и «Венера-6», какой четкой работа приемных антенн Центра дальней космической связи и всего комплекса, чтобы голос станции был услышан и понят!

Советский Союз планомерно выполняет свою космическую программу. Создание и успешное путешествие «Венеры-5» и «Венеры-6» принесли новые ценные сведения о физических процессах, протекающих в космическом пространстве и в атмосфере планеты Венера. Это замечательный пример совершенства советской космической науки и техники, славный знак научно-технического прогресса Советской страны, вдохновения и энтузиазма ее народа.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР горячо поздравили ученых и конструкторов, инженеров, техников и рабочих, коллективы и организации, принимавшие участие в создании, запуске и обеспечении полета автоматических станций «Венера-5» и «Венера-6».

«Новая победа отечественной науки и техники в исследовании космического пространства,— говорится в приветствии,— одержана благодаря героическому вдохновенному труду всего советского народа. Этот научный подвиг совершен в то время, когда вся наша страна готовится новыми трудовыми достижениями в строительстве коммунизма отметить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина — создателя Коммунистической партии Советского Союза и основателя первого в мире государства рабочих и крестьян».

НОВАЯ ПОБЕДА ТРУДА И ГЕНИЯ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ И КОНСТРУКТОРОВ, ИНЖЕНЕРОВ, ТЕХНИКОВ И РАБОЧИХ

ВИЗИТЫ ДРУЖБЫ

Тепло и радушно был принят в Корейской Народно-Демократической Республике Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, посетивший страну с официальным дружеским визитом по приглашению Председателя Президиума Верховного Народного собрания КНДР Цой Ен Гена.

Н. В. Подгорный нанес визит Генеральному секретарю ЦК Трудовой партии Кореи, Председателю Кабинета Министров КНДР Ким Ир Сену.

Состоялись беседы Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного с Генеральным секретарем ЦК ТПК, Председателем Кабинета Министров КНДР Ким Ир Сеном.

Во время бесед, проходивших в дружественной товарищеской обстановке, состоялся полезный обмен мнениями о дальнейшем развитии и укреплении отношений между Советским Союзом и КНДР. Был проведен также обмен мнениями по актуальным проблемам современного международного положения, представляющим взаимный интерес.

Встреча на корейской земле. Слева направо: Председатель Президиума Верховного Народного собрания КНДР Цой Ен Ген, Генеральный секретарь ЦК ТПК, Председатель Кабинета Министров КНДР Ким Ир Сен и Н. В. Подгорный.

Н. В. Подгорный во время посещения детсада сельскохозяйственного кооператива «Чоян» в уезде Хамдю.

Телефото специального корреспондента ТАСС В. Соболева.

Вымпелы с барельефом Владимира Ильича Ленина и Государственным гербом Союза Советских Социалистических Республик, доставленные на Венеру.

Председатель Президиума Верховного Народного собрания КНДР Цой Ен Ген устроил в честь советского гостя прием. От имени Центрального Комитета Трудовой партии Кореи, Президиума Верховного Народного собрания и правительства КНДР, от имени корейского народа Цой Ен Ген горячо приветствовал товарища Подгорного. На приеме были Генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи, Председатель Кабинета Министров КНДР Ким Ир Сен и другие руководящие деятели.

Яркой демонстрацией чувств братской дружбы, которые корейский народ питает к советскому народу, явился митинг в пхеньянском дворце съездов «Мансудэ». В нем приняли участие четыре тысячи представителей трудящихся и общественности Пхеньяна, государственные, партийные и общественные деятели КНДР.

Выступая с речью на этом митинге, Н. В. Подгорный выразил уверенность в том, что «братская дружба между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой будет развиваться и крепнуть на благо наших народов, в интересах великого дела мира и социализма».

* * *

По приглашению Председателя Президиума Великого Народного хурала Монгольской Народной Республики Ж. Самбу Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный прибыл 20 мая с официальным дружеским визитом в МНР.

На аэродроме в Улан-Баторе советского гостя встречали Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР Ж. Самбу, Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал и другие руководители партии и правительства республики.

ВЗОРЫ ОБРАЩЕНЫ К МОСКВЕ

Вадим НЕКРАСОВ

Открылся последний этап подготовки международного Совещания коммунистических и рабочих партий. В Москву для участия в работе Подготовительной комиссии прибыли представители братских партий всех континентов. Уже завершены горячие, плодотворные дискуссии, проведенные руководящими органами этих партий по проекту Основного документа предстоящего Совещания, разосланному Подготовительной комиссией.

Внимание мировой общественности приковано к Москве. Мы уже как-то привыкли к чеканной формуле: международное коммунистическое движение является самой влиятельной политической силой нашей эпохи. Но вот наступает момент, когда за привычными словами во всем величии встает их конкретное жизненное содержание. Такие дни переживают сегодня все коммунисты-ленинцы.

И действительно, идеи марксизма-ленинизма накладывают неизгладимую печать на все, что происходит сегодня в мире. Напрасно тужится пресса монополий, пророча «упадок» мировому коммунистическому движению. Ход истории не остановить, не повернуть вспять.

Коммунисты не только провозгласили новые нормы и новые формы отношений между народами. Они все активнее, все шире проводят их в жизнь, внося совершенно новый, невиданный еще дух в сферу, издавна именуемую международными отношениями. Коммунистов объединяет общность целей в борьбе с капитализмом, ненависть к социальному и национальному неравенству, угнетению и эксплуатации, стремление построить коммунизм, осуществить вековую мечту человечества. Для их встреч характерна атмосфера коллективизма, подлинного товарищества, равенства, глубокого уважения друг к другу.

В ходе подготовительной работы, в которой непосредственное участие приняло подавляющее большинство коммунистических и рабочих партий, было достигнуто конструктивное и творческое обобщение богатого опыта мирового коммунистического движения. Учтены и универсальность ленинизма и многообразие условий, в которых действуют братские партии. Вновь и вновь было подтверждено, что стремление к упрочению единства и к выработке общих точек зрения по основным вопросам совместной борьбы, несмотря на имеющиеся расхождения, является главной характерной чертой нынешнего этапа развития коммунистического движения.

Много разных событий произошло в мире за эти месяцы. Но в конечном итоге все они свидетельствовали о неуклонном и повсеместном нарастании сил, выступающих против империалистической политики агрессии, гнета и подавления народов. Чтобы реализовать возможности, которые создает современная эпоха для антиимпериалистических сил, необходимо одно решающее условие — упрочение единства всех, кто выступает против империализма, за дело мира, демократии, социализма, и прежде всего передового отряда революционных сил — коммунистических партий. Именно этой цели — задачам борьбы против империализма на современном этапе и единству действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил будет посвящено предстоящее Совещание.

Но коммунисты не были бы марксистами-ленинцами, если бы всегда и во всем не исходили из признания конкретности истины. Сегодня они видят реальные изменения, внесенные в обстановку событиями после Будапештской консультативной встречи. Одними из основных среди них являются действия нынешних пекинских правителей, проповедующих ненависть к Советскому Союзу, к другим странам социалистического содружества. Курс маоистской верхушки, направленный на раскол антиимпериалистического фронта, пособничество империализму, несовместим с принципами марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

В этих условиях, как подчеркивают братские партии, особое значение приобретает идейная стойкость коммунистических борцов. Непримиримость по отношению к любым идеологическим уступкам является непременным условием успеха в борьбе с таким серьезным и коварным противником, как империализм. Не менее важным условием является и укрепление и развитие пролетарского интернационализма. Марксисты-ленинцы сегодня, как и всегда, видят свою задачу в том, чтобы все более утверждать пролетарский, социалистический интернационализм в качестве важнейшей нормы взаимоотношений в международном коммунистическом движении.

К Москве обращены взоры всех народов мира. Все прогрессивные люди желают успеха международному Совещанию коммунистических и рабочих партий. Они ожидают, что оно сыграет важную роль в укреплении единства мирового коммунистического движения, всего фронта антиимпериалистических сил.

ОТВЕТЫ ДОКТОРА ФУНГ ВАН КУНГА, ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ФРОНТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА, ГЛАВЫ ДЕЛЕГАЦИИ НФОЮВ, ПОСЕТИВШЕЙ НЕДАВНО ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ РЕСПУБЛИКУ ВЬЕТНАМ, НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК».

Наша воля несгибаема

Вопрос: Каковы результаты вашего визита в ДРВ?

Ответ: Делегации Национального фронта освобождения Южного Вьетнама выпала исключительно большая честь и радость от имени четырнадцатимиллионного населения Южного Вьетнама, ведущего сейчас победоносную борьбу против американских империалистов и их лакеев, выразить президенту Хо Ши Мину, любимому вождю вьетнамского народа, и семнадцати миллионам соотечественников в Северном Вьетнаме самые священные чувства народа Южного Вьетнама. Любовь, нежная забота, проявленные к нашей делегации со стороны президента Хо Ши Мина, руководителей страны, Национального собрания, Отечественного фронта, политических партий, центральных и местных общественных организаций, всех соотечественников Северного Вьетнама, заставили нас еще глубже прочувствовать кровное братство Севера и Юга. Наша делегация безмерно восхищена героической армией и героическим народом Севера, которые нанесли поражение преступной, разрушительной войне американских империалистов, преодолели все трудности в строительстве мощного во всех отношениях Севера, высоко подняли лозунг «Все для братского Юга», выполняя задачу большого тыла большого фронта. Нынешний визит делегации Национального фронта освобождения Южного Вьетнама на Север и демонстрация твердой воли народа Северного Вьетнама всем сердцем, всеми силами поддерживать революционное дело освобождения родных соотечественников на Юге еще больше укрепили силу боевой солидарности 31-миллионного населения всей страны. Мы видим в этом источник огромного воодушевления для вооруженных сил и народа Южного Вьетнама, которые, идя вперед по победоносному пути, полны решимости нанести окончательное поражение воинствующим американским агрессорам и их лакеям, освободить Юг, защитить Север, продвигаться к мирному объединению родины.

Вопрос: Как Вы оцениваете нынешнее положение в Южном Вьетнаме и задачи Национального фронта освобождения в настоящее время в военном, политическом и дипломатическом плане?

Ответ: Всеобщее наступление вооруженных сил и одновременные восстания южновьетнамского населения, начавшиеся с весны 1968 года, подняли войну сопротивления нашего народа против американской агрессии, за спасение родины на новый этап, поставили более чем миллионную армию США, их марионеток и сателлитов в критическое положение пассивности, тупика и поражений.

С начала весны этого года наши вооруженные силы и наш народ, сохраняя и неустанно развивая боевую инициативу, развернули новые непрерывные и решительные наступления и нанесли очень мощные и точные удары по логовищам противника. Войска американских агрессоров и наемников понесли тяжелые потери как в живой силе, так и в военной технике. Их планы «умиротворения» обанкротились. Опора американских агрессоров — марионеточные власти и марионеточная армия — приходит в упадок и разваливается. Тяжелые поражения американских империалистов в Южном Вьетнаме потрясли всю Америку, поставили правящую администрацию Никсона перед лицом больших трудностей во всех отношениях как в самих США, так и в мире.

Армия и народ Южного Вьетнама, напротив, в процессе своей борьбы все больше крепнут и одерживают все более блестящие победы. В обстановке всеобщего наступления и повсеместных восстаний быстро развивались политические силы нашего народа. С рождением Союза национальных, демократических и миролюбивых сил и расширением рядов организаций, входящих в Национальный фронт освобождения, с каждым днем все более крепнет блок национального сплочения. Во многих местах образованы органы революционной власти. Все больше расширяются и укрепляются освобожденные районы. В районах, временно контролируемых противником, особенно в Сайгоне и других городах, поднимается бурное движение, объединяющее все слои населения, с требованием прекратить агрессивную войну США, вывести из Южного Вьетнама войска США и их сателлитов, свергнуть марионеточную администрацию Тхиеу — Ки — Хыонга, создать кабинет мира, вести серьезные переговоры с Национальным фронтом освобождения. Происходящее на полях сражений в Южном Вьетнаме и за столом совещания в Париже послужило красноречивым доказательством того, что Национальный фронт освобождения является подлинным представителем южновьетнамского народа и компетентен решать все вопросы, касающиеся Южного Вьетнама. Что же касается нынешней марионеточной сайгонской администрации, то это шайка упрямых и воинствующих предателей, проклятых народом Южного Вьетнама и презираемых народами мира.

Поражение американских империалистов очевидно. Однако, будучи по своей природе агрессивными и воинствующими, они еще очень упорствуют и изворачиваются.

Они продолжают усиливать агрессивную войну в Южном Вьетнаме, в бешенстве направляют самолеты «В-52» беспорядочно бомбить окрестности Сайгона и другие густонаселенные районы. Они всячески стремятся осуществить свою так называемую «программу ускоренного умиротворения», существо которой заключается в проведении «операций по прочесыванию», в уничтожении и насильственном переселении населения в больших масштабах и с невиданным варварством. Они стараются зацепиться за марионеточную администрацию Тхиеу — Ки — Хыонга и прибегают к различным фашистским методам, чтобы подавить народное движение в районах, временно находящихся под их контролем. Сотни людей, среди которых много бонз, священников, студентов, представителей интеллигенции, деловых кругов, офицеров марионеточной армии и чиновников марионеточной администрации, были незаконно арестованы и отданы под суд.

Американские империалисты все еще предпринимают действия, являющиеся посягательством на суверенитет и безопасность Демократической Республики Вьетнам.

На совещании в Париже представители США продолжают искажать историю, выдавать черное за белое, упрямо не признавать роль Национального фронта освобождения и справедливую патриотическую борьбу южновьетнамского населения. Они умышленно избегают основных вопросов, отказываются обсуждать урегулирование вьетнамской проблемы в комплексе, делая невозможным прогресс на совещании.

Население Южного Вьетнама жаждет мира, но этот мир должен быть в условиях независимости и свободы. Делегация Национального фронта освобождения Южного Вьетнама прибыла на Парижское совещание с серьезными намерениями. Позиция из 5 пунктов Национального фронта освобождения Южного Вьетнама очень разумна и логична. США начали агрессию, и они должны положить ей конец. В первую очередь США должны полностью и безоговорочно вывести свои войска и войска стран — сателлитов США из Южного Вьетнама, предоставить южновьетнамскому населению самому решать свои внутренние дела в соответствии с Политической программой Национального фронта освобождения, без всякого вмешательства извне. Если американские агрессоры не извлекут урока из своих поражений и будут цепляться за марионеточную администрацию, чтобы сохранить неоколониалистский режим на Юге, то вооруженные силы и народ Южного Вьетнама полны решимости выполнить наказ президента Хо Ши Мина: «Продолжать наносить сильные удары, наносить ощутимые удары, сражаться до тех пор, пока США и марионетки не потерпят полного поражения, пока Юг не будет полностью освобожден».

Такова несгибаемая боевая воля народа Южного Вьетнама. Окончательная победа, несомненно, будет на его стороне *.

Вопрос: Что бы Вы хотели передать читателям журнала «Огонек»?

Ответ: Как раньше, так и теперь братский советский народ решительно стоит на стороне справедливой патриотической борьбы народа Южного Вьетнама против американских агрессоров и их лакеев. Большая и ценная всесторонняя поддержка и помощь, оказываемые советским народом, Коммунистической партией и правительством Советского Союза, являются не только сильным источником воодушевления, но и активным вкладом в большие победы, одержанные нашими вооруженными силами и нашим народом за прошедший период во всех областях.

Несмотря на тяжелые поражения, американские империалисты все еще очень упорствуют и бряцают оружием. Они на все лады говорят о «мире», но на самом деле усиливают агрессивную войну в Южном Вьетнаме, которая является самой крупной колониальной войной в мире. Но как бы ни бились они в бешенстве, они не смогут изменить положения. Справедливая борьба вооруженных сил и народа Южного Вьетнама вступила в новый этап и развивается во всех направлениях: военном, политическом и дипломатическом. И хотя она будет еще очень упорной и ожесточенной, она обязательно увенчается полной победой.

Мы убеждены, что Коммунистическая партия, правительство и братский народ Советского Союза, так же как и все прогрессивное человечество в мире, продолжат свою всестороннюю поддержку и помощь делу борьбы народа Южного Вьетнама против американской агрессии, за спасение родины до его полной победы. Пользуясь случаем, мы просим ваш журнал передать всему братскому советскому народу, Коммунистической партии и правительству Советского Союза искреннюю и глубокую благодарность Национального фронта освобождения и 14-миллионного народа Южного Вьетнама. Желаем советскому народу еще более выдающихся достижений в строительстве могущественного Советского Союза.

Пусть расцветает тесная боевая солидарность между народами Южного Вьетнама и Советского Союза!

Апрель 1969 г.

---

* 8 мая делегация НФОЮВ на Парижских переговорах по Вьетнаму огласила новый документ из 10 пунктов. Важные предложения НФОЮВ пронизаны заботой о будущем Вьетнама и его народа, о мире в Юго-Восточной Азии. Их горячо поддерживают друзья вьетнамского народа. Эти предложения встречены с полным одобрением в Советском Союзе.— **Ред. «Огонька».**

Нгуен Тхиен и Май Ван Нам. НЕНАВИСТЬ ФУЛОЯ.

То Нок Ван. ДЕВУШКА С ЦВЕТКОМ.

ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

И. МОРОЗ, И. ЩЕДРОВ

До сих пор мало что известно о первых российских гражданах, побывавших во Вьетнаме. Можно предполагать, что знакомство наших стран на первых порах, выражаясь современным языком, было заочным. Первые сведения о Вьетнаме в России, видимо, относятся к XV—XVI векам. Афанасий Никитин, побывавший в 1466—1472 годах в Индии, в своей книге «Хождение за три моря» упоминает о стране Шабат, где производится шелк, фарфор, сахар и растет сандаловое дерево. По мнению историков, в этих словах идет речь об одном из государств на территории нынешних Вьетнама и Камбоджи. Среди старинных реликвий XVII века, от царствования Алексея Михайловича, сохранился огромный глобус, который находится сейчас в экспозиции Исторического музея. На нем есть довольно точное по тем временам изображение Индокитая и государства Аннам.

Вплоть до начала XIX века нам не известно ничего о прямых контактах между Россией и Вьетнамом. Очевидно, первыми, кто побывал во Вьетнаме в XIX веке, были купцы, русские моряки и землепроходцы, прибывшие сюда морским путем.

Одному из нас довелось читать интересный отрывок из хроники аннамитского королевского двора за 1820—1830 годы, когда правил вьетнамский суверен Минь Манг. В нем сообщалось, что королевскому флоту в Тонкинском заливе удалось разбить морских пиратов, терроризировавших прибрежные районы и грабивших заморских купцов. Среди пленников, которых пираты держали на островах в пещерах, был русский купец. Его доставили в королевскую столицу Гуэ. Имя его и дальнейшая судьба неизвестны. В ходе ожесточенных боев в Гуэ весной 1968 года, когда американская артиллерия и авиация обстреливали и бомбили древнюю столицу, погибло много уникальных документов. Судьба хроники, о которой идет речь, неясна.

В 1863 году в Сайгон прибыл двадцатилетний К. М. Станюкович, назначенный на клиппер «Гайдамак» в тихоокеанскую эскадру под командованием адмирала А. А. Попова. Молодой моряк был поражен зверствами французских колонизаторов во Вьетнаме. В начале 1864 года в «Морском сборнике» были напечатаны его репортажи «Французы в Кохинхине», в которых он резко выступил против несправедливой войны колониальной Франции и восхищался героизмом и мужеством свободолюбивого народа Вьетнама. «...Часто целые деревни,— писал К. М. Станюкович,— застигнутые неприятелем врасплох, без вождей, не просили помилования, не ползали на коленях, не переходили на сторону французов, за исключением только аннамитов-католиков, презираемых своими земляками; напротив, они защищались по возможности или удалялись, попавшие же в плен умирали героями. Жизнь в плену у аннамитов кажется позором, и он в случае помилования (впрочем, это редко случается) гордо просит смерти».

К. М. Станюкович резко бичует католических миссионеров, проложивших путь к захвату Вьетнама, обличает «цивилизацию», принесенную Францией на штыках. Вот как он описывает оккупированные районы: «Все это пусто... Жители ушли из домов, оставя там все,.. кроме своего оружия — ножи и топоры, и французы жгут эти дома, целые деревни, если не находят там жителей».

Репортажи К. М. Станюковича из Кохинхины — одно из самых ярких выступлений против колониальной войны во Вьетнаме не только в России, но и в Европе. Интересно отметить, что в 1864 году лейтенант К. М. Станюкович подает в отставку и посвящает себя литературному труду, начало которому было положено репортажами из Кохинхины — Южного Вьетнама.

После К. М. Станюковича во Вьетнаме побывали несколько русских писателей и ученых. В. В. Крестовский, который посетил Сайгон в 1880 году, рассказал в своей книге «В дальних водах и странах» о жизни и быте простых вьетнамцев. Он высоко отозвался о художественном вкусе и мастерстве народных умельцев, увидев в аннамитских фигурках из дерева и камня «столько простой и жизненной правды, милого и добродушного юмора». Известный путешественник своего времени князь К. А. Вяземский, который видел Ханой и Сайгон, познакомил российскую общественность с вьетнамской культурой и тяжелым положением народа. Его особенно поразил «опиумный бизнес» колонизаторов, наживавших баснословные барыши на одурманивании народа.

В 1890 году в Санкт-Петербурге вышла книга Н. С. Ермолова «Тонкинская экспедиция» — одна из самых обстоятельных монографий о Вьетнаме, опубликованная в дореволюционной России. Ее автор был во Вьетнаме и на основе обильных фактических материалов показал, как был осуществлен военный захват Вьетнама Францией.

В 1898 году до Вьетнама добрались трое русских казаков — В. Д. Максимичев, О. В. Барышников и Г. Т. Хохлов. Это были паломники из секты «никудышников», которых описал В. Г. Короленко в своем очерке «У казаков». Искали они землю обетованную — «Беловодию, процветающую и блаженную страну». При содействии В. Г. Короленко в Петербурге были опубликованы записки одного из участников похода — Г. Т. Хохлова. Ужаснувшись тяжелой жизнью в колониальном Вьетнаме, казаки вернулись в Россию, так и не найдя «Беловодии»...

В 1905 году в бухте Камрань, в Южном Вьетнаме, останавливалась вторая Тихоокеанская эскадра, которая шла к театру военных действий на Дальнем Востоке. В составе этой эскадры был крейсер «Аврора». Русские моряки видели тяжелую жизнь угнетенного народа в колониальном ярме. Об этом говорится в записках судового врача на «Авроре» В. С. Кравченко, судового инженера Е. С. Политовского и других.

Накануне первой мировой войны, в 1912 году, во Вьетнаме был историк А. М. Большаков. (В годы Советской власти он работал преподавателем в Педагогическом институте имени Герцена в Ленинграде.) В своем рассказе о Вьетнаме он разоблачал расизм колонизаторов. «Туземец,— делал он вывод из увиденного,— может быть хоть семи пядей во лбу, быть широкообразованным человеком, окончить сколько угодно университетов, но только потому, что у него кожа не белая, он обречен на оскорбительно-одинокое существование; в свое общество белые его не примут и никогда не посмотрят на него, как на равного себе, словно цвет кожи — позорное пятно на чести человека».

С 1917 года и до конца своего владычества колониальная Франция закрыла дорогу во Вьетнам для представителей новой, революционной России. Легально сюда могли приехать только русские эмигранты, оказавшиеся по тем или иным причинам во Франции и принявшие французское гражданство. Разные были среди них люди. Имя одного из них, Виктора Викторовича Голубева, нужно упомянуть.

В. В. Голубев, русский историк, вплоть до своей кончины в Ханое в апреле 1945 года, на протяжении четверти века работал во Вьетнаме, изучая историю этой страны. В своих научных трудах он доказывал самобытность вьетнамского народа, исследовал его славное прошлое. Музей Фино, директором которого он был, сейчас стал Государственным историческим музеем. В нем немало экспонатов, собранных В. В. Голубевым во время полевых экспедиций. В ДРВ хранится добрая память о русском ученом, который внес ценный вклад в исследование истории и культуры Вьетнама.

Великая Октябрьская революция открыла новый этап в отношениях между нашими народами. Как ни был далеко Вьетнам, и до него докатился революционный шквал, начавшийся на российских просторах. Вести о социалистической революции в нашей стране разными путями доходили до вьетнамского народа. В 1919 году в Одессе среди французских моряков, поднявших красные флаги на своих кораблях, был вьетнамец Тон Дык Тханг. Товарищ Тон Дык Тханг сейчас — вице-президент Демократической Республики Вьетнам. Во время празднования пятидесятилетия Октября он был награжден орденом Ленина.

В 1924 году в Советском Союзе, участвуя в конгрессе Коминтерна, находился Нгуен Ай Куок — так звали тогда товарища Хо Ши Мина. В январе 1924 года товарищ Хо Ши Мин опубликовал в газете «Правда» статью, посвященную памяти Ленина. «При жизни он был нам отцом, учителем, товарищем, советчиком,— говорилось в статье.— Теперь он — путеводная звезда, ведущая нас к социальной революции».

Несмотря на все преграды, созданные колонизаторами, связи между нашими странами не только не прекратились, но и усилились. Миллионы простых вьетнамцев обращали свои взоры к Стране Советов, следили за успешным строительством нового общества.

В Советской стране побывали сотни вьетнамских революционеров, учились здесь, активно участвовали в строительстве новой жизни, изучали опыт революционной борьбы и бессмертное марксистско-ленинское учение.

Теперь Вьетнам открывал для себя Россию, первую в истории страну социализма. В 1930 году во Вьетнаме была создана Коммунистическая партия Индокитая, а в ряде районов возникли первые советы. И прибывали во Вьетнам из России не путешественники, а мужественные борцы Коминтерна, подпольщики-коммунисты. С риском для жизни они вместе с вьетнамскими товарищами укрепляли интернациональные узы дружбы. Усилия вьетнамских революционеров не пропали даром и дали мощные всходы, озаренные Августовской революцией 1945 года во Вьетнаме, успехами наших народов в борьбе за укрепление лагеря социализма, в борьбе против империализма.

Далекие друг от друга Россия и Вьетнам стали близкими, членами великой семьи, имя которой — социалистическое содружество, мировое революционное движение.

Посол СССР в ДРВ И. С. Щербаков выступает при вручении ордена Ленина вице-президенту ДРВ, участнику восстания французских моряков в Одессе в 1919 году товарищу Тон Дык Тхангу.

Фото А. Серикова.

Устье реки Бенхай... Здесь недалеко стоит линкор «Нью-Джерси» и бродят отряды морских пехотинцев США.

Неодо

Николай ПАСТУХОВ

I

Из Ханоя нам предстоит трудный и долгий путь на юг, к реке Бенхай. По руслу этой реки проходит знаменитая 17-я параллель, которая сегодня символизирует условный рубеж между будущим и прошлым Вьетнама. Что может быть более волнующим, чем путешествие на поле битвы, где противоборствуют две идеологии.

Сразу же за Ханоем попадаешь в атмосферу, где по пятам за жизнью все время крадется смерть, коварная и всепоглощающая. Ужасные последствия варварской войны видны повсюду, в каждой мелочи, на каждом участке пути. Там, где когда-то были цветущие города, сейчас страшное нагромождение битого кирпича и стекла. Земля усеяна воронками, а вдоль пути стоят деревья с почерневшими стволами и срезанными ветвями.

Но странное дело! Вся эта картина не навевает чувства безысходности. В чем же дело? Я не сразу нашел ответ на мучивший меня вопрос. Он пришел сам собою, когда после поездок по стране я снова перелистал странички своих блокнотов. Дело, оказывается, в людях. Именно об их исполинские духовные силы разбивается ураган смерти. Находясь во Вьетнаме, я все время заражался энтузиазмом. Он пронизывает все действия удивительных людей этой легендарной страны.

Я приехал в Ханой, когда над Вьетнамом уже опустилась тропическая ночь. С нетерпением ждал утра, чтобы сразу же попасть в объятия этого города, имя которого вот уже два десятилетия на устах людей всей нашей планеты.

Лучи солнца едва-едва еще касались причудливых верхушек смоковниц, платанов и пальм, а город уже наполнился кипучей энергией, привел в движение фабрики и заводы, открыл двери учебных заведений и магазинов. Ханойцы быстро расхватывали газеты и на ходу жадно вчитывались в сводки с севера и юга страны точно так же, как это делали советские люди в годы Отечественной войны.

Рядом с бомбоубежищами играли дети. Всего несколько месяцев назад они проводили ночи под землей, когда над их городом разрывалось в клочья огненное небо. Не всем им снова довелось увидеть утро. И вот сейчас они беззаботно прыгают на одной ножке, гоняют по мостовой обод старого велосипедного колеса. Каждый, кто проходил мимо, оказывал детям самые задушевные знаки внимания, а они отвечали старшим той же любовью и уважением.

В Ханое людям многого не хватает. Ведь идет война. Но прилавки в магазинах не пустые. На них лежат не только товары, но и цветы. Цветы повсюду: в окнах домов, на рулях велосипедов, в петлице солдатского мундира.

Всюду и во всем четкая организация, дисциплина, высокая сознательность. Я встречал в поездке тысячи вьетнамцев разных профессий и возрастов. Ремонтируют ли они дороги, мосты, восстанавливают ли здания, трудятся ли на заводе или в шахте, ни у кого я не заметил чувства недовольства или раздражения. Они все делают легко, изящно и споро.

II

На дорогах Вьетнама я встречал людей, на лицах которых глубоко залегли морщинки горя. Морщины появились и у вечнозеленой природы Вьетнама. Стоят в безмолвии обожженные джунгли.

Силам разрушения и смерти сопротивляются и люди и природа. Вьетнамцы героически борются и трудятся. Воронки быстро затягиваются свежими побегами молодого бамбука.

Однажды мне довелось увидеть непоправимость человеческого горя. В свете фар нашего «газика» на обочине дороги я увидел старуху с поднятыми руками. Губы ее шевелились. Наш шофер — частый путник на этой трассе. Он и поведал мне трагедию этой женщины. На том месте, где она стояла, от взрыва бомбы погибли ее муж, сын и две дочери. Они носили камни для ремонта дороги. Прямое попадание бомбы. Каждую ночь эта женщина, лишившись рассудка, приходит сюда на дорогу, к краю воронки-могилы и молит небо вернуть ей самых близких и родных людей...

Наконец, город Винь, вернее, его ночной призрак. Вокруг одни руины, мы сворачиваем в джунгли. Останавливаемся у каменного одноэтажного дома, две трети которого разбито бомбой. В сохранившейся части нам приготовили ночлег. Тяжелые мысли гонят сон. Включаю

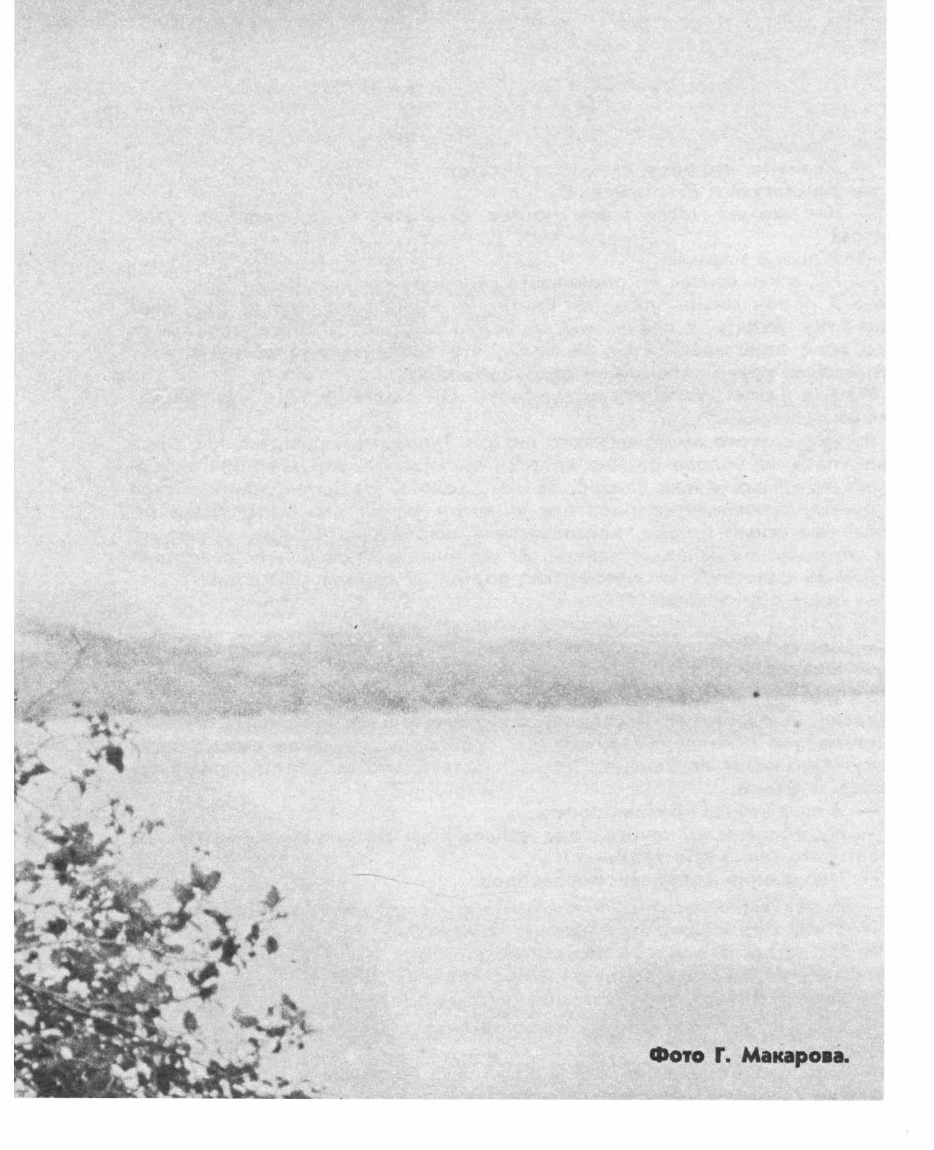

Фото Г. Макарова.

дую своим подругам из рыбацкого поселка Нгы Тхыг! Они все артиллеристки и настоящие герои. Поезжайте к ним...

Мы это сделали на следующий день. Поселок стоит на берегу Баг Бо, от него всего двадцать километров до устья Бенхая. Оттуда слышатся глухие взрывы.

Нгуен Тхи Бе, политкомиссар поселка, знакомит с отрядом артиллеристок. Мы встретились как единомышленники, как братья по оружию. В одной из песен артиллеристки славили парус, приветствующий солнце.

— Вы знаете, почему девушки исполнили эту песню?— говорит Нгуен Тхи Бе.— Когда они пели о парусе, приветствующем солнце, они подразумевали любовь Вьетнама к первой в мире социалистической стране — Советскому Союзу. Для нас он солнце.

Песня неслась над морем, мирным и ласковым. Но только с виду. Где-то совсем недалеко на его волнах покачивались корабли седьмого американского жандармского флота.

Смотришь на милые девичьи лица, и как-то не верится в то, что пришлось пережить этим дочерям потомственных рыбаков. В этом районе США сбросили десять тысяч фугасных, десятки тысяч шариковых бомб, здесь взорвалось более пяти тысяч артиллерийских снарядов. А батарея девушек — народных ополченок сбила пять самолетов и повредила четыре вражеских судна.

Командир батареи Нго Тхи Тхе объявляет учебную тревогу. Лица девчат становятся сразу суровыми и решительными. Невысокого роста, хрупкие, они ловко справлялись со своими обязанностями, а заряжающая стояла на двух пустых ящиках: иначе ей не дотянуться до магазина. Наконец, отбой — и снова на батарее царит веселое оживление.

Спрашиваю Нго Тхи Тхе, как им удалось овладеть такой сложной техникой.

— Трудно было. Очень трудно. Особенно вначале. Наши отцы и братья ушли в армию, а матери сели в рыбацкие лодки. Привезли сюда на берег эти орудия из вашей страны и начали нас обучать прямо в боевых условиях.

— Какое образование у девушек?

— Семь классов. Эскалация прервала нашу учебу.

Наступила пауза. Глаза Нго Тхи Тхе повлажнели.

— Не увидит дня победы и мира,— продолжила она,— наша боевая подруга Нго Тхи Тха. В одном из боев она получила три тяжелые раны. Обливаясь кровью, стояла Тха у орудия и продолжала бой. Затем у нее подкосились ноги. До последней минуты мы слышали ее голос: «Бейте, бейте их, не обращайте на меня внимания, бейте их, девочки, до последнего!..» После боя в газетах был опубликован указ о присвоении нашей батарее имени «Победитель».

ЛИМЫЕ

транзистор. Через шумы и треск льется «Есть на Волге утес», волна тут же куда-то уходит, и раздается кваканье «Голоса Америки» из Манилы. ...Из ночи доносится мелодичный девичий голос. Я не понимаю слов, но песня волнует и покоряет. На душе становится тепло. Какой же фантастической силой обладает этот народ, сколько в нем внутренней красоты!

III

Утром снова в путь. Дорога стала еще трудней. Очереди у паромов и переправ. На реке самые разнообразные лодки, сампаны. Сампаны делаются из бамбука, пропитанного соком дикой маниоки. Гребец сидит на корме и вращает плицы ногами.

На поворотах дороги впервые вижу серебристый Тонкинский залив, или Баг Бо, как его называют во Вьетнаме. На берегу женщины и детишки собирают устриц. Где-то слышится губная гармошка. И опять река. Около парома сидят две девушки — Нгуен Тхи Там и Фан Тхи Ен. Одна из них играет на гармошке. Многое они уже пережили в свои восемнадцать лет. Их паром ни на минуту не прекращал работу даже во время массированных бомбардировок. Когда приближалась опасность, Там и Ен прятались в реке.

К вечеру прибываем в провинцию Куанг Бинь. Небольшая деревушка, окруженная джунглями. Располагаемся в одной из хижин. Сотрудница местного Совета Лиен угощает нас ароматным чаем. Переводчик Хуан говорит, что Лиен встречалась со смертью с глазу на глаз.

— Как это произошло, Лиен?

— Прилетели «фантомы». От их бомб содрогалась земля. Взрывная волна выбросила меня из хижины. Потом я уже ничего не помню.

Я посмотрел на ее руки и ноги. Они были все в шрамах.

— Шарики?

— Да,— ответила Лиен,— надо мной разорвалась шариковая бомба. В меня врезалось 75 шариков. Очнулась я в госпитале после операции.

— Ты герой, Лиен!

— Нет, я еще ничего героического не совершила. Как я завидую своим подругам из рыбацкого поселка Нгы Тхыг! Они все артиллеристки и настоящие герои. Поезжайте к ним...

IV

Покидаем рыбацкий поселок. Дорога ведет на юг: на одном из указательных столбиков читаю: «Гуэ. 120 километров». Там, в Южном Вьетнаме, такие же герои, с которыми мы только что встречались, наносят тяжелые удары по американским интервентам.

Все ближе и ближе орудийные залпы. В Винь Лине, конечном пункте путешествия, нас встречают вооруженные ополченцы.

— Вы находитесь,— сообщает один из руководителей района, товарищ Кан,— рядом с демилитаризованной зоной. Завтра мы вас туда повезем. Эта зона была установлена Женевскими соглашениями. Но зоны уже фактически не существует. США включили ее в сферу своей агрессии. Оставайтесь пока в этом помещении и никуда не выходите, а то как бы вас не приняли за американцев. Отряды морских пехотинцев США здесь бродят неподалеку.

Вскоре все приготовления к поездке были закончены. Нас ждали два замаскированных зелеными ветвями «газика» и группа ополченцев.

— Это ваши проводники и охрана,— сказал товарищ Кан.— Здесь очень опасно, и поэтому надо быть осторожными. Я поеду тоже.

Земля и леса выжжены напалмом. «Газики» прячутся в укрытиях. Идем по траншеям. Неожиданно в опаленной пустыне видим торчащий из земли, каким-то чудом уцелевший каменный крест с распятием Христа — все, что осталось от старинного католического храма и кладбища Винь Там. А ведь именно в эти первые мартовские дни Ричард Никсон посещал Ватикан и, как видно из сообщений печати, нашел там даже общий язык.

В воздухе прочертили дугу три вертолета с опознавательными знаками военно-морских сил США. Видимо, они заметили наше движение, потому что сразу же разрывы снарядов с линкора «Нью-Джерси», стоявшего в 15 километрах от устья Бенхая, начали приближаться.

Нас приглашают в землянку рядом с наблюдательным пунктом. Председатель исполкома рыбацкой деревни на мысе Кыатунг товарищ Хо Нгок Тхиен знакомит с членами исполнительного комитета. Лицо этого человека светится спокойствием. Говорит короткими фразами.

— Американцы методично уничтожают джунгли, полагая, что мы именно там скрываемся. А мы вот с вами сидим здесь, имеем выходы в любом нужном направлении. Наши столовые и кухни, магазины и предприятия также упрятаны глубоко под землю... А знаете, сколько «воздушных подарков», так сказать, мы получили от США на душу населения района? По семьдесят тяжелых фугасных бомб и по сто пятьдесят крупных артиллерийских снарядов. Мы же ловим рыбу, выращиваем чай, сбиваем самолеты, читаем книги. Видите, в углу наша библиотечка.

— Какие книги вы читаете?

— Политические и художественные. Правда, книг у нас маловато.

— Есть у вас советские книги?

— Две. Они переведены на вьетнамский язык и изданы в Ханое.

Хо Нгок Тхиен открывает дверцу шкафа и показывает брошюру В. И. Ленина «О кооперации» и «За власть Советов» В. Катаева.

Перелистываю ленинскую брошюру. На девятой странице обнаруживаю закладку из кусочка металла, сорванного с контейнера американской бомбы.

— Очень хорошо,— говорит Хо Нгок Тхиен,— что вы заметили эту закладку. Я расскажу вам ее историю... Наш рыбак Хо Дыг читал эту ленинскую брошюру. В воздухе появились В-52. Хо Дыг вложил закладку на девятой странице и направился на наблюдательный пункт. Но оттуда его сбросила взрывная волна, а затем он сгорел в напалме. Я храню эту книгу для сына Хо Дыга, когда он вернется домой с одного почетного военного задания...

Мы возвращались к «газикам» по сложной системе траншей. Артиллерийский обстрел с «Нью-Джерси» продолжался. Проводники торопили. Но по траншеям разнеслась весть о том, что на мысе Кыатунг находятся советские журналисты. На берег реки Бенхай вышли юноши и девушки с перекинутыми через плечо автоматами. Они встретили нас звонкой песней «Наш друг и брат Льен Со (Советский Союз)»...

В Винь Линь мы направились другим путем, через небольшой городок Хосо. Здесь был еще до начала эскалации корреспондент «Правды» Иван Щедров. Вот что он писал о Хосо: «Ночью он напоминает озерко из огней. Днем — прямая улица, от которой вверх влево ползут по косогору короткие улочки... На единственной площади — двухэтажная гостиница с «комнатами счастья» — номерами люкс на втором этаже. Здесь дальше на пригорке стоит школа — гордость жителей городка. Еще около часа до начала занятий, а со всех сторон слышатся звонкие голоса детворы... На одном из холмов рабочие кладут кирпич за кирпичом: строится международная гостиница. Здесь нередко бывают гости — ведь это последний городок перед 17-й параллелью, которая отсюда в восьми километрах...» А сейчас нет городка Хосо. На его месте — груда развалин. Уцелел лишь памятник героям первого Сопротивления. Когда я смотрел на него, мне казалось, что он будто пятится от этих руин. Сохранился еще на бывшей главной улице, через которую проходила автострада, указательный столбик — «Сайгон, 731 километр». Сайгон...

V

В Ханое мы встретились с теми, кто сеял смерть и разрушения,— с пленными американскими пилотами. Это «рандеву» состоялось как-то поздним вечером в одном из официальных зданий столицы.

В комнату вводят человека среднего роста. Вид у него вполне здоровый, лицо чисто побрито, одет прилично — брюки и рубаха спортивного покроя. Лейтенант военно-морских сил США Ричард Таджимэн, 28 лет. Летал на разведывательном самолете с авианосца «Интерпрайз». Подбит 5 мая 1968 года в районе провинции Хотин (между Ханоем и 17-й параллелью). Таджимэн спустился на парашюте. Был тяжело ранен в руку. Второй пилот погиб.

— Какое образование вы получили?

— Закончил Колумбийский университет.

— Недавно мы проехали через всю страну. Города Вьетнама превращены в руины. Как вы могли пойти на это преступление? Ведь колумбийцы все эти годы вели самоотверженную борьбу, достойную честного американца, против этой грязной, отвратительной агрессии.

— Я попал в армию. Стал солдатом. Выполнял приказ.

— У вас есть дети?

— Да, двухлетняя дочь.

— Вам не стыдно перед ней?

— Стыдно...

— Скажите, кто ваши любимые писатели?

— Хемингуэй и Достоевский.

— Как же вы могли пойти против духа этих замечательных гуманистов?

— Я попал в армию.

— Ну, а как сейчас вы оцениваете свою прежнюю жизнь?

— Я обрел жизнь здесь, во Вьетнаме. Меня вылечили от ран, вернули руку. Видите, я сейчас ею свободно владею. Я много передумал и со всей ответственностью заявляю, что возненавидел войну и хочу быть только созидателем, а не разрушителем.

Ричард Таджимэн покидает комнату. Он пытается еще что-то сказать на прощанье.

Вводят другого американского пилота. Тупое, невыразительное лицо, злые глаза, на голове редкие волосы. Смотрит на окружающих исподлобья, трусливо. Уэсли Льюис. 25 лет. Холост. Из Калифорнии. Летал на бомбардировщике-истребителе «Фантом-4». На его борту были тяжелые фугасные бомбы, контейнерные шариковые бомбы, установки для сбрасывания напалма, ракеты, 20 мм пушки. Уэсли Льюис совершил на ДРВ 35 вылетов. Его самолет был подбит 27 апреля 1968 года.

— Ваше образование?

— Я закончил социологический колледж Помони.

— Какие социологические науки вы изучали в колледже?

— Физику.

— Что?!

Уэсли Льюис начал испуганно оглядываться по сторонам, заерзал на стуле, так и не понимая, что же, собственно, вызвало смех у всех присутствовавших на беседе. Затем, чувствуя, что он что-то сказал невпопад, добавил:

— Я еще изучал криминологию.

— Ну, тогда ясно, какого рода колледж вы закончили. Не могли бы сказать, что такое преступление?

— Нарушение американских законов.

— А как вы относитесь к нарушению международных законов?

— У нас в колледже этих законов не изучали.

— Известно ли вам, что американский пилот Уэсли Льюис стал преступником, вторгшись в воздушное пространство ДРВ?

— Теперь я знаю, что такое международный закон.

— Сколько вы получали на военной базе в Дананге, откуда совершали полеты на ДРВ?

— Мне переводили на счет в США 500 долларов в месяц, кроме того, еще 22 доллара за каждый вылет.

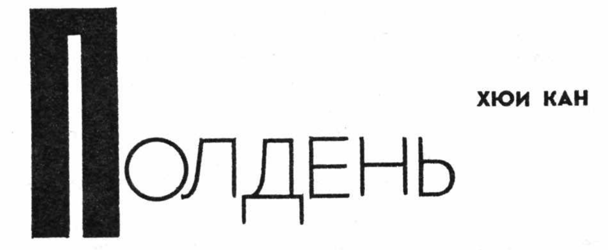
— Знаете ли вы, что такое мораль?

Уэсли Льюис задумался. Морщил лоб. Разводил руками, затем сказал, что он не понимает вопроса.

Да, понятие морали ему было чуждо. Беседа с этим истинным продуктом «свободного мира», где все продается и покупается за деньги, где существует институт наемных убийц, наглядно подтвердила всю низость и аморальность современной капиталистической Америки.

Я видел во Вьетнаме столкновение двух противоположных духовных миров. В этом столкновении, в этой битве побеждает социалистическая мораль. Именно эта мораль сделала славный героический Вьетнам НЕОДОЛИМЫМ.

Ханой — Винь Линь — Москва.

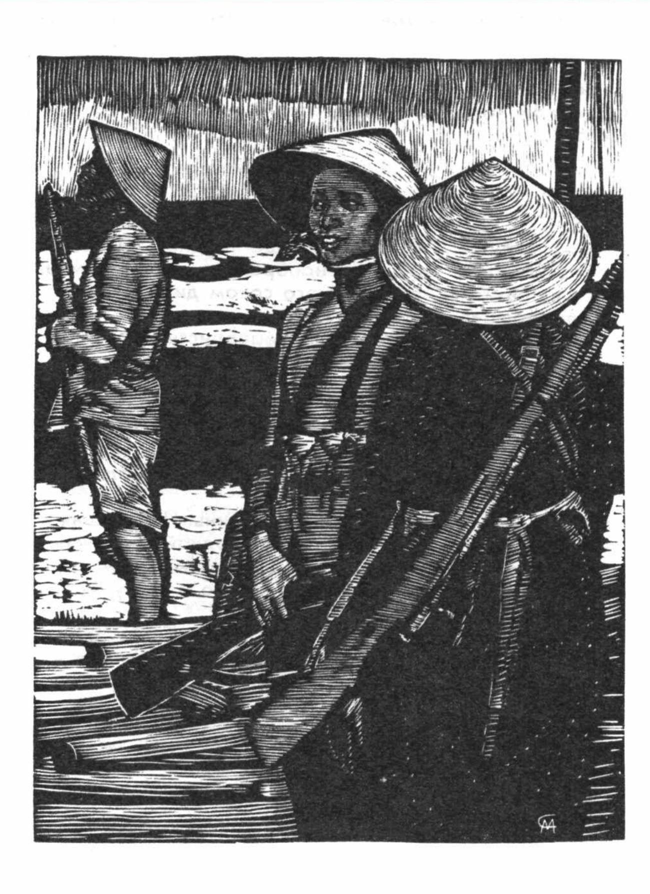
ПОЛДЕНЬ

ХЮИ КАН

Кудахчут наседки в деревне с утра. Птенцы расчирикались в гнездах.
Вселенная греет на солнце бока, сияет и светится воздух.
Расправили пальмы павлиньи хвосты, вбежав на крутые откосы.
Зеленые косы свои распустив, растут на вершинах кокосы.
Приветливо птицы щебечут в листве, не чувствуя близкой угрозы.
За солнечным, быстро бегущим лучом вдогонку стремятся стрекозы.
И этому полдню погожему рад, плетет паучок свою сетку,
С ветвей апельсиновых свесив ее на яблони тонкую ветку.
И время свой правильный круговорот спокойно и мудро свершает.
И рис подрастает быстрей и быстрей — кто рису расти помешает?
И небо лежит, обнимаясь с землей, пока не наступит прохлада,
Как будто им что-то от нас уберечь, упрятать и выносить надо.
Всему вопреки продолжается жизнь, под спудом вершится работа.
Но вот над землею в полуденный час послышался звук самолета.
От взрывов дрожит паутинка слегка, стремясь на ветвях удержаться.
Он, крадучись, где-то над лесом летит, и бомбы все ближе ложатся.

И все-таки месть настигает его: вдали от родимого края
Он падает, копотью черной чадя и пламенем небо марая.
Вновь полдень как полдень, и солнце опять сияние в небе простерло.
И курица, снова вернувшись к делам, кудахчет во все свое горло,—
Как будто сейчас о рожденье яйца она извещает кого-то.
И дремлет устало зенитчик-солдат, сжимая турель пулемета...

Перевел Мих. Матусовский.

Е. М. ТЯЖЕЛЬНИКОВ,
первый секретарь ЦК ВЛКСМ

ВСТРЕЧИ

На митинге в Ханое в честь делегации Ленинского комсомола. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников вручает памятные подарки секретарю Ханойского городского комитета Союза трудящейся молодежи Вьетнама Фан Хунгу.

Недавно в Демократической Республике Вьетнам гостила делегация Ленинского комсомола во главе с первым секретарем ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельниковым. Делегация совершила поездку по стране, встречалась с первым секретарем ЦК Союза трудящейся молодежи Вьетнама Ву Куангом, была принята руководителями ДРВ.

Редакция журнала «Огонек» попросила первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова поделиться своими впечатлениями о встречах с вьетнамской молодежью.

Для всех нас было большой радостью побывать на героической вьетнамской земле, воочию увидеть мужество и самоотверженность народа-борца, народа-воина, народа-творца. Мы увидели плоды бескорыстной помощи советского народа Вьетнаму, увидели, как работают наши советские станки и механизмы, как зорко стерегут вьетнамское небо самолеты, ракеты и зенитки советского производства.

Как представители народа, который в суровых боях отстоял свою независимость и дал миру немеркнущие образцы мужества, мы в полной мере могли оценить героизм вьетнамского народа, вьетнамской молодежи. В исключительно тяжелых условиях борьбы наши ровесники учатся, работают, сражаются с врагом, забыв об отдыхе, забыв о возрасте. Здесь каждый, от мала до велика, научился держать оружие в руках, работать за станком и в поле, восстанавливать разрушенные дома, больницы, электростанции, трудиться без отдыха и сна, если этого требует обстановка.

Трудно рассказать обо всем, что увидели мы во Вьетнаме. Очень много было встреч, бесед, впечатлений. Но особенно хочется выделить незабываемую встречу с защитниками моста Хамронг. Этот мост стал символом героизма и непобедимости народа.

Мне вспоминается встреча с человеком удивительной судьбы — вьетнамской героиней Нгуен Тхи Ханг. Глядя на нее, трудно подумать, что эта скромная, застенчивая девушка совсем недавно была бесстрашным командиром отряда народных ополченцев, защищавших мост Хамронг. Мы подарили ей книгу «Повесть о Зое и Шуре» с дарственной надписью Любови Тимофеевны Космодемьянской.

«Передайте всем матерям советских героев,— сказала нам Ханг,— всем советским подругам нашу любовь и солидарность».

Мы передали представителям вьетнамской молодежи дружественные послания от советских космонавтов, от комсомольских организаций городов-героев и союзных республик.

Волнующими были встречи с молодежью Вьетнама. Нам было очень приятно видеть многочисленные проявления самой горячей симпатии, дружбы и любви к советскому народу и его молодежи. Так было везде, где побывала наша делегация. Всюду дружеские улыбки, рукопожатия, всюду звучали приветствия Советскому Союзу. Слова благодарности советским людям просили нас передать молодые шахтеры Куангниня, портовики Хайфона, кооператоры и добровольцы провинции Тханьхоа, рабочие и студенты Ханоя. От имени миллионов юношей и девушек Вьетнама об этом сказал на массовом митинге в Ханое первый секретарь ЦК Союза трудящейся молодежи Вьетнама товарищ Ву Куанг:

— Мы шлем советскому комсомолу, всем юношам и девушкам Советского Союза наши сердечные чувства дружбы. Мы выражаем искреннюю благодарность Коммунистической партии, правительству и народу Советского Союза за постоянную помощь и поддержку нашего народа в борьбе против агрессии США и в строительстве социализма.

Нам было радостно сознавать, что вьетнамские друзья высоко оценивают подлинно интернационалистскую позицию нашей страны по отношению к Вьетнаму, политику нашей партии, ее Ленинского Центрального Комитета, Советского правительства, непримиримость советского народа к агрессии американского империализма.

Поистине трогательной была встреча, которую нам приготовила молодежь шахтерской провинции Куангнинь. Шахтеры Куангниня решили соревноваться с горняками Донбасса, и мы по поручению донецких шахтеров заключили договор о таком соревновании. По пожеланию вьетнамских друзей соревнование посвящается 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, 40-летию создания Компартии Индокитая, ныне Партии трудящихся Вьетнама, и 25-летию провозглашения Демократической Республики Вьетнам.

Одной из важных целей нашей поездки было знакомство с деятельностью Союза трудящейся молодежи Вьетнама, в рядах которого насчитывается более 2 миллионов 600 тысяч человек.

Своими боевыми и трудовыми подвигами Союз завоевал в стране огромный авторитет и уважение.

Руководители Союза в беседах с нами неоднократно подчеркивали, что они внимательно изучают опыт Ленинского комсомола, участие молодежи в коммунистическом строительстве, работу ВЛКСМ по воспитанию юношей и девушек на революционных, боевых и трудовых традициях КПСС и советского народа.

Главное, что составляет силу Союза трудящейся молодежи Вьетнама,— это руководство со стороны партии, готовность отдать все силы общему делу.

Мы побывали в стране героев, в стране массового мужества. Невозможно без боли и гнева смотреть на разрушения, причиненные народу Вьетнама американскими империалистами, на скорбь вьетнамских матерей, чьи дети погибли под бомбами варваров XX века. Руины Хайфона напомнили нам развалины Сталинграда и горе советских матерей. Вот почему советский народ, переживший самую кровопролитнейшую в истории человечества войну, не может оставить в беде своих вьетнамских братьев. Всему миру известно, какую большую помощь оказывает Советский Союз борющемуся народу Вьетнама, возвышая свой голос в его защиту, помогая денежными средствами, кадрами, оборудованием, военной техникой.

Народ, у которого есть непоколебимое мужество и верные друзья, нельзя поставить на колени. Дело героического Вьетнама — это дело всего прогрессивного человечества, и оно непобедимо!

Пользуясь возможностью, хочу от имени ЦК ВЛКСМ еще раз выразить самую сердечную благодарность Центральному Комитету Партии трудящихся Вьетнама, ЦК Союза трудящейся молодежи Вьетнама, гостеприимной вьетнамской молодежи за теплый прием, за искренность и братские чувства к Советскому Союзу.

1

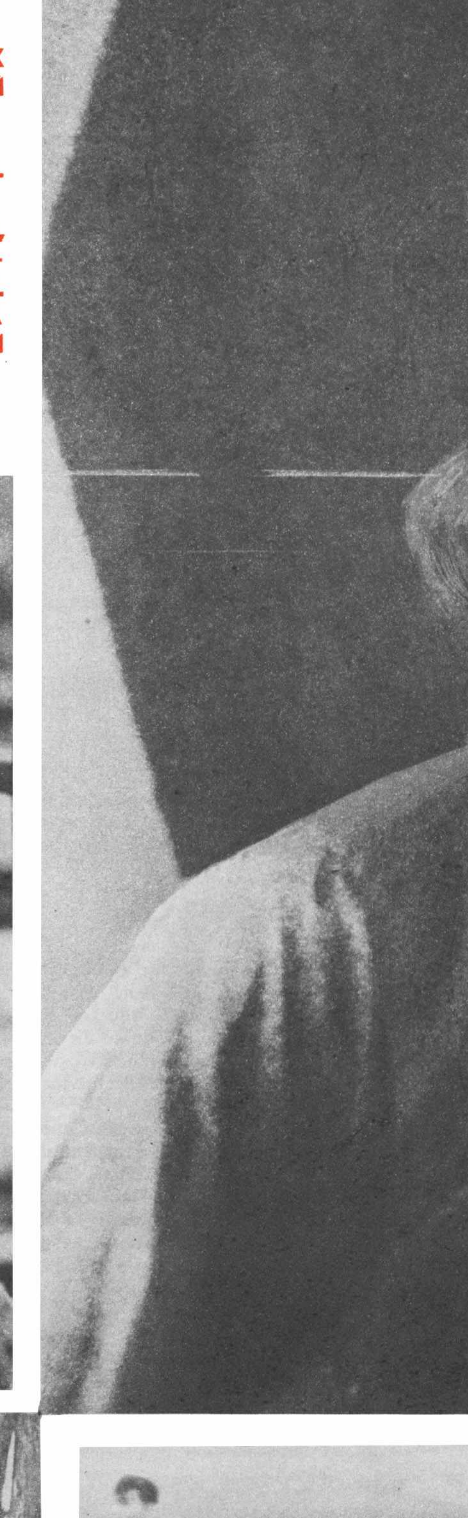
НА ВЬЕТНАМСКОЙ ЗЕМЛЕ СОЛНЦЕ ПРЯЧУТ ДЫМЫ ВОЕННЫХ ПОЖАРОВ. НО НА ЗЕМЛЕ С ГОРЬКОЙ И МУЖЕСТВЕННОЙ СУДЬБОЙ ЛЮДИ УМЕЮТ УЛЫБАТЬСЯ.

ДОБРО УЛЫБАТЬСЯ ДРУГУ, ЧЬЕ ПЛЕЧО ВСЕГДА РЯДОМ.

НЕЖНО УЛЫБАТЬСЯ ЦВЕТАМ И ДЕТЯМ, ГОЛОСАМ ПТИЦ И ПЕСНЯМ ЛЮБИМЫХ.

УЛЫБКА ВЬЕТНАМА СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПЕРЕД ВСЕМ МИРОМ, ЧТО МУЖЕСТВО ВЬЕТНАМЦЕВ САМОЙ ВЫСОКОЙ ПРОБЫ. ОНА — КАК СТРЕЛКА НА КОМПАСЕ, УКАЗЫВАЮЩАЯ ПУТЬ К ПОБЕДЕ. ПУСТЬ ЗНАЮТ ИМПЕРИАЛИСТЫ ЭТУ ВОЕННУЮ ТАЙНУ: УЛЫБКА ТОЖЕ ОРУЖИЕ В БОРЬБЕ, КОТОРУЮ ВЕДЕТ НАРОД ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ.

БЕРЕГИСЬ, ВРАГ, ВЬЕТНАМ УЛЫБАЕТСЯ!

2

УЛЫБКА ВЬЕТНАМА

Фото журнала «Вьетнам», А. Сербина, Г. Макарова.

3

4

5

1 Двадцатилетнюю сайгонскую студентку Во Тхи Тханг марионетки приговорили к пожизненному заключению за патриотическую деятельность. В зале суда, услышав приговор, она улыбнулась — враги ее не сломили.

2 Улыбка друзей. Для нее всегда находится место там, где вместе работают вьетнамские и советские специалисты.

3 Дети... В самые тяжелые военные дни они не остаются без сердечной теплоты.

4 Без улыбки не построишь и дамбу на рисовом поле.

5 На работу!..

Решимость

Хоанг ТУНГ,
главный редактор
газеты «Нян Зан»

Вьетнамский народ, ведущий революционную борьбу, уверенно идет вперед по пути побед. В 1968 году во Вьетнаме было создано новое соотношение сил и открыты хорошие перспективы на 1969 год. Широкие активные действия сил освобождения и героического народа Южного Вьетнама под славным знаменем Национального фронта освобождения Южного Вьетнама приводят США и их приспешников ко все большей изоляции. Эти победы вместе с победами армии и героического народа Северного Вьетнама, разбивших все планы воздушной войны США, заставили воинственных американских агрессоров пойти по пути деэскалации, без всяких условий прекратить бомбардировки и обстрел всей территории Демократической Республики Вьетнам, начать четырехсторонние переговоры в Париже с участием НФОЮВ — подлинного представителя народа Южного Вьетнама.

Вьетнамский народ хорошо знает свои победы, но он также ясно видит упорство и коварные замыслы американских империалистов. Несмотря на непрерывные тяжелые поражения во Вьетнаме, несмотря на изоляцию и замешательство, вызванные кризисом в стране, США не отказываются от своего воинственного курса в Южном Вьетнаме. Никсон, заменивший Джонсона на посту президента США, не предложил и не выдвинул ничего нового. В Южном Вьетнаме американские самолеты, в том числе и самолеты В-52, продолжают сбрасывать бомбы на густонаселенные районы, уничтожать посевы; американские танки и корабли, как и прежде, творят зло и сеют горе на земле Южного Вьетнама; Соединенные Штаты продолжают держать у власти банду предателей родины Тхиеу — Ки — Хыонга — марионеток неоколонализма. США ежедневно посылают самолеты против Северного Вьетнама, нагло попирая суверенитет нашей страны и угрожая безопасности Демократической Республики Вьетнам. На парижской конференции по Вьетнаму США уходят от основного вопроса, который должен быть решен в первую очередь, — вопроса о полном и безусловном выводе из Южного Вьетнама войск США и войск американских сателлитов.

Ни на минуту не ослабляя бдительности, вьетнамский народ в обеих частях страны ясно видит, что еще предстоит сложная, решительная, всесторонняя борьба против США за спасение родины, что только эта борьба может принести окончательную победу.

Трезво оценивая победы и трудности, вьетнамский народ все решительнее идет вперед, следуя указанию президента Хо Ши Мина, любимого вождя всего вьетнамского народа: «До тех пор, пока хотя бы один агрессор будет топтать нашу землю, мы будем вести борьбу». Страстно любя мир, вьетнамский народ связывает свои надежды с железной волей в борьбе за независимость и свободу родины. Только завоевав подлинную свободу и независимость, можно добиться настоящего мира. Таким образом, где бы и когда бы империалисты ни осуществляли агрессию против нашей страны, до тех пор и в том месте вьетнамский народ будет вести борьбу против этой агрессии.

Справедливая позиция народа Южного Вьетнама ясно отражена в политической программе, провозглашенной осенью 1967 года, и в Заявлении ЦК Национального фронта освобождения Южного Вьетнама от 3 ноября 1968 года. На новом этапе силы освобождения и широкие народные массы Южного Вьетнама продолжают вести мощное наступление и одерживают славные стратегические и тактические победы как на военном, так и на политическом фронте. В освобожденных районах население непрестанно укрепляет и развивает революционные силы, строит новую жизнь. В городах и в районах, в которых еще господствуют США и их марионетки, политика широкого национального единства, проводимая НФОЮВ, создает новые дополнительные условия для организации на всех уровнях органов революционной власти народа. Правда становится все яснее. Какие бы коварные и жестокие маневры ни предпринимали США, до тех пор, пока они упорно продолжают проводить политику агрессии в Южном Вьетнаме и твердолобо выступают против справедливой позиции НФОЮВ, народ Южного Вьетнама будет полон решимости вести борьбу. Народ Южного Вьетнама непременно одержит полную победу, ибо он стоит на верном пути. Он имеет богатый опыт борьбы, располагает мощными силами и большой помощью братских народов социалистического лагеря, международного коммунистического движения, народов всего мира.

Крупные победы на Юге, а также победы, одержанные Демократической Республикой Вьетнам в 1968 году, оказывают большое вдохновляющее влияние на всю партию, армию, народ Северного Вьетнама. Северный Вьетнам последовательно продолжает выполнять две стратегические задачи: борьбу против США за спасение родины и строительство социализма.

В то время, как американские империалисты упорно продолжают интервенцию в Южном Вьетнаме, попирают суверенитет, угрожают безопасности Северного Вьетнама, семнадцатимиллионный народ Северного Вьетнама все глубже постигает смысл слов Хо Ши Мина: «В настоящее время борьба против США за спасение родины является священной задачей каждого вьетнамского патриота». Помня эти слова, народ Северного Вьетнама вместе с четырнадцатимиллионным народом Южного Вьетнама ведет соревнование под лозунгами: «Каждый работает за двоих», «Все для братского Юга», «Все для победы над американскими агрессорами». Оказывая всемерную поддержку справедливой борьбе народа Южного Вьетнама, все члены Партии трудящихся Вьетнама, вся армия и народ Северного Вьетнама постоянно повышают бдительность, наращивают оборонную мощь, укрепляют свой боевой дух, чтобы всегда быть готовыми наказать США за любые авантюристические шаги и планы против нашей родины.

Под руководством ЦК ПТВ и Правительства ДРВ народ Северного Вьетнама борется за выполнение тех задач государственного плана, которые продиктованы условиями борьбы против США за спасение родины, а также задач длительного развития новой жизни. Непрестанно развивая преимущества социализма и государства народной демократии в целях выполнения исторических задач диктатуры пролетариата, Северный Вьетнам постоянно прилагает усилия для мощного продвижения вперед социалистической революции, включающей в себя три больших, революционных задачи: революция в производственных отношениях, техническая революция и революция в области идеологии и культуры.

В области революции в производственных отношениях основные усилия сосредоточены на непрестанном развитии государственного и кооперативного сектора экономики, на всемерном совершенствовании в соответствии с принципами социализма уровня организационной работы и административного управления.

В технической революции основная проблема, поставленная в настоящее время, заключается в повышении производительности труда, что достигается путем совершенствования орудий труда, постепенного осуществления полумеханизации и механизации производства, постепенного внедрения в производство современной техники и научных достижений.

В проведении идеологической и культурной революции центральным пунктом является повышение чувства коллективного хозяина у широких масс трудящихся, создание рабочим и крестьянам благоприятных условий для их культурного роста.

Эти три революционные задачи тесно связаны между собой. Они требуют больших усилий во всех областях и прежде всего в области экономики. За прошедшие годы борьбы против жестокой воздушной войны американских империалистов, несмотря на большой урон, вызванный наводнениями и стихийными бедствиями, охватившими в 1968 году значительную часть страны, Северный Вьетнам непрерывно развивает преимущества социалистической экономики. Борьба на трех фронтах будет развиваться все шире во имя удовлетворения требований, выдвигаемых войной против США за спасение родины, во имя интересов народа и во имя подготовки условий для развития страны после полной победы над американскими агрессорами. Основные проблемы — это правильное руководство на всех ступенях, всемерное развитие центров экономики, находящихся в центральном подчинении, с одновременным строительством, укреплением и развитием местной промышленности, поощрение полного использования посевных площадей, учитывая, что производство риса является центральным вопросом развития сельского хозяйства. Сюда входят также задачи роста производительности труда в промышленности, особенно в ключевых отраслях, а также всемерное совершенствование распределения товаров и обеспечения повседневных нужд народа.

Выполнение революционных задач в соответствии с требованиями обстановки требует мобилизации усилий всех кадровых работников, членов партии и народа. Проявляя заботу о материальной и духовной сторонах жизни народа, Центральный Комитет Партии трудящихся Вьетнама и Правительство ДРВ прилагают огромные усилия для идеологического воспитания, для повышения морального уровня и революционного духа членов партии и народа с тем, чтобы воспитать человека социалистического общества. Тесное сочетание идеологической и политической работы с улучшением материальной и духовной сторон жизни населения является решающим фактором в усилении патриотического соревнования и широких революционных кампаний среди народа.

Вьетнамский народ постоянно проявляет высокий дух пролетарского интернационализма, стремясь внести позитивный вклад в дело борьбы народов мира за мир, национальную независимость, демократию и социализм, и прежде всего в первостепенную задачу — в борьбу против империалистов США, самых жестоких врагов социалистического лагеря, свободолюбивых народов и прогрессивного человечества. Видя тесную связь между борьбой в обеих частях Вьетнама против США за спасение родины и строительства социализма в Северном Вьетнаме с общими интересами прогрессивного человечества, вьетнамский народ глубоко верит в солидарность, твердую поддержку социалистических стран, национально-освободительного движения, народов всех стран, в том числе солидарность и поддержку Советского Союза, которые уже приняли огромные масштабы.

Считая солидарность и поддержку всех международных сил крупным фактором, способствующим победе вьетнамской революции, вьетнамский народ искренне благодарит братские социалистические страны, революционные силы, а также все народы мира и уверен, что своим продвижением к полной победе в борьбе против США за спасение родины, в строительстве социализма, в создании мирного, независимого, единого, демократического, процветающего Вьетнама он вносит достойный вклад в дело защиты мира в Юго-Восточной Азии и во всем мире.

●

На берегу Тонкинского залива.
Девочка и бомбы.
Столичная улица.
Бомбоубежища на конвейере.
Поколения.
Солдатское письмо.

На развороте вкладки:

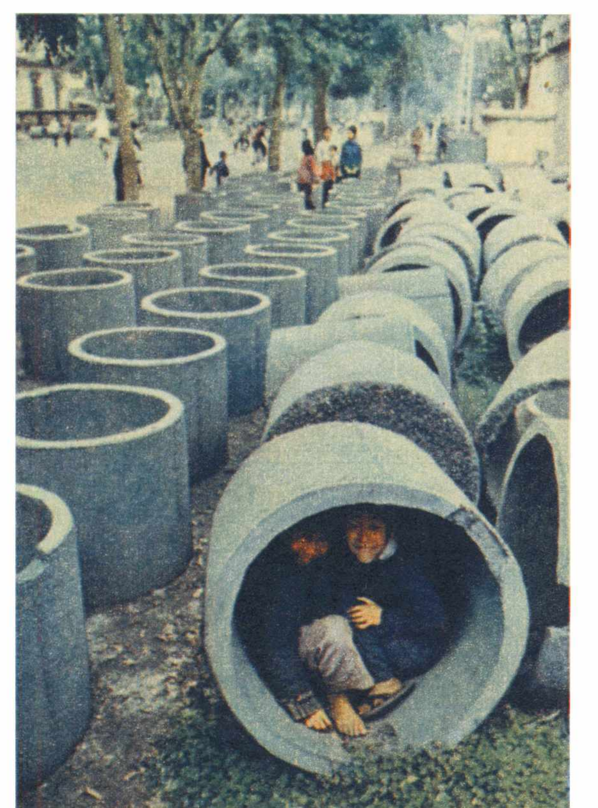
Сбитый американский самолет — экспонат городского музея Хайфона.
Ханой, вечер.
Весенний праздник пионеров.
Двадцатитрехлетняя Лао Тхи Доан — член административного совета уезда Майтьяу.

Ракетчики ДРВ всегда наготове.
В ханойском театре идет концерт.
«Олений перевал» — так называется открытый угольный карьер под Хонгаем.

ПОДАРОК ИЗ МОНГКАЯ

Монгкай, 14 марта 1969 года.

РАБОЧИМ ДУЛЕВСКОГО ФАРФОРОВОГО ЗАВОДА

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ — СССР

Дорогие товарищи!

Примите, пожалуйста, самый горячий братский привет от ваших товарищей и друзей из далекого уголка — самого восточного района прекрасного Вьетнама!

Начиная с рождения первого в мире социалистического государства революционеры и трудящиеся нашей страны питали и питают большую любовь и глубокую симпатию к Советской стране и к советским людям. Это порождено ярким примером Октябрьской социалистической революции, именем, гением и заслугами великого Ленина, верной и бескорыстной помощью, которую нам оказали КПСС, Советское государство и советский народ в процессе всего развития вьетнамской революции, большим вниманием советских людей к нашей борьбе против американских империалистов за спасение родины. Поэтому у всех трудящихся Вьетнама слова «Советский Союз» вызывают не просто чувство симпатии, но и чувство вечной благодарности.

13 марта этого года нам довелось принять у себя на заводе работающего во Вьетнаме советского специалиста — геолога Юрия Георгиевича Гатинского. От него мы узнали, что недалеко от Москвы есть фарфоровый завод. Нам очень приятно с вами познакомиться. Крепко жмем ваши руки и горячо вас обнимаем. Мы шлем наш коммунистический привет всем членам партии, кадровым работникам и рабочим Дулевского завода!

Дорогие товарищи! Наша задача заключается в том, чтоб одновременно и бороться с американцами и строить социализм. Производство фарфоровых изделий на нашем заводе не стоит на месте, а развивается быстрыми темпами, и в техническом отношении был сделан шаг вперед. Мы только что изготовили образцы некоторых новых изделий.

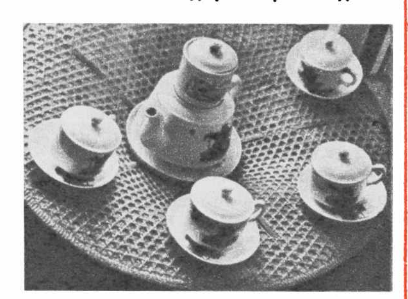
Разрешите нам, пожалуйста, через Ю. Г. Гатинского передать вам кофейный сервиз. Надеемся, что он вам понравится.

Желаем всем советским людям успешно создавать материально-техническую базу коммунизма.

Да здравствует Ленин!

Да здравствует вьетнамско-советская дружба!

От имени Монгкайского фарфорового завода
То Ван Зыонг,
директор завода

Сервиз — подарок вьетнамских рабочих.

СОТРУДНИЧАТЬ И ПОМОГАТЬ

МОЛОДЕЖЬ ВЬЕТНАМА ОБРАЩАЕТСЯ К МОСКОВСКИМ СТУДЕНТАМ

Ханой, 12 марта 1969 года.

Дорогие друзья-студенты Московского государственного университета имени Ломоносова!

Мы, студенты группы 68-Б второго курса металлургического факультета Ханойского политехнического института, члены Союза трудящейся молодежи, шлем вам наш горячий братский привет, привет представителей народа, борющегося на переднем крае против американского империализма.

Дорогие друзья! Около пяти лет тому назад в условиях войны наш институт эвакуировался, чтобы студенты могли продолжать нормальную учебу. Жизнь студентов на новом месте была очень трудной: слабая материальная база, плохо было с транспортом, не доставлялось вовремя учебное оборудование и так далее. Но наша твердая решимость бороться против американской агрессии позволила институту преодолеть трудности и выйти победителем из всех испытаний. Качество обучения оставалось по-прежнему на должном уровне. Было создано немало лабораторий и помещений для занятий. Хотя они были и несовершенны, но отвечали требованиям учебы. Появилось много отличных групп и студентов-отличников. Духовная жизнь студентов также непрерывно обогащалась.

Дорогие друзья! Эти наши успехи — вклад в борьбу против американского империализма, в борьбу за спасение родины. Американские империалисты с каждым днем терпят все более тяжелые поражения: на Севере страны они вынуждены были безоговорочно прекратить бомбардировки, на Юге чем больше они расширяют боевые действия, тем туже сжимается кольцо народной войны. Победа нашего народа — это победа великой стратегии народной войны, проводимой Партией трудящихся Вьетнама, победа бессмертного учения Маркса и Ленина, но также и победа советского народа, всего социалистического лагеря и всех миролюбивых сил на Земле. Недавно мы узнали о славных делах в вашей стране, направленных на укрепление солидарности между нашими народами. В движение солидарности и поддержки нашего народа внесли свой вклад и студенты МГУ. Мы горды тем, что находимся в одних рядах с вами. Каждый ваш лозунг «Американцы, убирайтесь вон из Южного Вьетнама!», каждое ваше мероприятие, которое вы проводите в стране, отстоящей от нашей родины на тысячи километров, являются для нас, студентов Вьетнама, и для всего нашего народа огромным вдохновляющим фактором в борьбе.

Дорогие друзья! Мы стараемся прилежно учиться, но как и весь наш народ, мы готовы сражаться по первому зову. Если американские империалисты рискнут еще раз развязать разрушительную войну против Севера нашей страны, они потерпят еще более сокрушительное поражение.

Наша группа 68-Б хотела бы завязать непосредственные дружеские связи с одной из групп вашего университета. Своей деятельностью наши две группы могли бы внести вклад в дело солидарности между братскими народами Вьетнама и СССР, чтобы вместе со всем прогрессивным человечеством добиться полной победы и построить светлое будущее, в котором человек человеку будет другом и братом. Мы будем сотрудничать и помогать друг другу в общем наступлении на крепость науки и техники, в общей борьбе против американского империализма — общего врага всего человечества.

Желаем вам достичь новых высот в овладении наукой и техникой.

С дружеским приветом!

Студенты группы 68-Б металлургического факультета Ханойского политехнического института.

СТУДЕНТЫ МГУ ОТВЕЧАЮТ ВЬЕТНАМСКИМ БРАТЬЯМ

Москва, 21 апреля 1969 года.

Дорогие вьетнамские друзья!

Мы, студенты 204-й группы механико-математического факультета Московского государственного университета, с большой радостью пользуемся случаем послать вам, а в вашем лице и всему братскому народу Вьетнама пламенный комсомольский привет.

Дорогие друзья! Ваше письмо не могло не найти отклика в наших сердцах. Уже много лет братский вьетнамский народ в тяжелых условиях вынужден вести справедливую войну против оплота империализма — США и их сайгонских марионеток. В этой войне каждый день, каждый час ваш мужественный и решительный народ дает отпор всем попыткам американских агрессоров посягнуть на священную независимость вашего государства.

Немалый вклад в дело отражения американской агрессии вносите и вы, студенты. Своей решимостью учиться как можно лучше вы доказываете еще раз, что никакие посягательства не могут сломить героического духа вашего народа, и борьба вашего народа не проходит бесследно. Американские империалисты терпят в этой войне тяжелые поражения. Мы уверены, что победа будет за вашим народом.

Советский народ прилагает все усилия, чтобы помочь братскому народу Вьетнама, и каждая ваша победа, будь она крупная или небольшая, горячо встречается всем нашим народом.

В решительной борьбе за прекращение варварской агрессии участвуют вместе со всем советским народом и комсомольцы МГУ. В прошлом году многотысячный отряд наших студентов работал на целинных землях. Средства, заработанные за несколько дней труда на целине, были направлены нами в фонд помощи вьетнамскому народу. В Москве с этой же целью мы провели несколько воскресников. Не проходит и месяца, чтобы мы не устраивали митингов в защиту вьетнамского народа, за прекращение агрессии янки. В этих митингах протеста принимают участие, помимо советских студентов, студенты многих стран, обучающиеся в МГУ.

У нас — студентов братских народов — одна цель: учиться только на «отлично», теснее сплачивать свои ряды в борьбе за мир во всем мире, крепить боевую солидарность, чтобы восторжествовали на Земле самые справедливые идеи Маркса — Энгельса — Ленина.

Мы с радостью принимаем ваше предложение завязать дружественные связи. Мы уверены: эта дружба внесет свой вклад в дело солидарности наших народов и поможет нашей совместной борьбе за идеалы коммунизма.

Желаем вам самых больших успехов в учебе и борьбе!

С комсомольским приветом!

Студенты 204-й группы механико - математического факультета Московского государственного университета

Шахта Ванг Зань. Перекур.

Рисовые поля Хоабиня.

Рыбаки уходят на ловлю креветок.

Меч и орало.

Утро около 17-й параллели.

Сортировка кофе в госхозе «Шонг Бой».

Фото специальных корреспондентов «Огонька» Г. Копосова, Г. Макарова, А. Сербина.

Один из дней

Валерий КУПЛЕВАХСКИЙ

...Уже несколько дней все ждут крупного налета. Пока появляются только разведчики. Летают, не меняя расписания: утром и после обеда. Мы знаем, что это именно разведчики, по тому, как воет сирена, как по радио девушка говорит, почти поет: «Самолеты от Ханоя в шестидесяти километрах», «Самолеты от Ханоя в пятидесяти...» «...в тридцати». Потом начинает трещать пулемет с крыши политехнического, хлопают зенитки... Самолета не видно, он высоко, он одинок, а небо безмерно. Оно голубое-голубое, и в нем только изредка вспыхивают белые взрывы, будто лопаются коробочки хлопчатника.

По дамбе мы едем в видавшем виды «газике», покрытом бурыми пятнами маскировки. Дверцы сняты, тент с боков заброшен на крышу: только так можно спастись от жары и духоты. На железном полу машины гремят каски и запасные канистры.

Река Красная обмелела, на огромном пространстве оголилось малиновое дно. На плесе рыбаки построили несколько больших тростниковых хижин, живут здесь, сушат сети. По реке медленно, словно во сне, плывут джонки с серыми перепончатыми парусами. На малиновой земле — зелень банановых рощ. И из банановых зарослей, будто из травы голубой цветок, вырастает шар воздушного заграждения.

Мы часто ездим по этой дороге, иногда по нескольку раз в сутки. Нашу машину уже знают зенитчики и расчеты пулеметных установок. Мы застаем их в разное время — и в минуты готовности, и тогда, когда они приводят в порядок технику, и во время отдыха, когда на сколоченных из бамбука, шатких столиках мелким вьетнамским бисером пишутся необычайно подробные письма или ремонтируются «зепы» — сандалии, сделанные из автомобильных или самолетных покрышек.

И когда бы ни проезжала наша машина, уже издали, завидев ее на дамбе, молоденькие ребята-зенитчики приветствуют нас. Мы высовываемся по пояс из машины, подымаем руки и кричим в ответ на их «Льен Со муон нам» свое «Вьетнам муон нам» [1]. Мы никогда не останавливались здесь, никого из ребят не знаем в лицо, не знаем ни одного имени, а они знают только, что мы «льен со», но это повторяется каждый раз, по нескольку раз в день.

Справа — река, слева — прямоугольники рисовых полей. Пустынно, деревни в стороне, людей поблизости нет, но вдоль дороги —

Записки относятся ко времени, когда американская авиация совершала ожесточенные налеты на ДРВ.

[1] «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует Вьетнам!».

длинное многоточие убежищ. Крестьяне вырыли их для путников, для пассажиров проезжающих мимо машин. (Так же в джунглях кто-то заботливый оставляет на тропе трубку дьеукай, чтобы путник смог покурить.)

Вокруг Ханоя американцы бомбили все, что возвышается над землей. Глядя на развалины, начинаешь думать о том, что бомбили не то, что представляет для американцев какой-то военный интерес, нет. Бомбили просто то, что хорошо стоит, то, что недавно построено, то, чем можно гордиться — новым зданием института, светлым трехэтажным домом для рабочих... В этих бомбардировках чувствовалась какая-то слепая жажда уничтожения. Ни о каких военных объектах (казармах, складах) речи не шло. Смысл этого неистовства — в ощущении американцами безысходности войны, в ясном сознании того, что ими ведется война, которую заведомо нельзя выиграть, война бессмысленная. В такой войне становится совершенно неважным, что бомбить. Главным становится — бомбить больше, бомбить все подряд...

Мы проезжаем мимо ложного моста, на который американцы сбросили уже немало бомб (он висит над водой легкий, сплетенный из бамбука, отбрасывая дырявую тень на почти неподвижную воду), сворачиваем с дамбы на старый кирпичный — настоящий — мост, настолько узкий, что машине не разминуться с буйволом, и шофер наш Чыонг смеется радостно:

— Дивизион!

Он рад, что на дамбе нас не застал налет, что дорога кончилась, что все вообще в порядке...

— Готовность,— говорит мой друг, показывая в сторону станции.— Смотри...

Действительно, видная нам из-за банановых посадок антенна станции поворачивается, следя за еще далекой целью.

На позиции тоже пусто — расчеты в кабинах, на местах. Стучат дизели, гудят провода антенны. Под кабинами сидят, зарывшись в пыль, куры.

Из ослепительного дня попав в черноту кабины, мы сначала ничего не видим и только отвечаем на приветствия:

— Тяо, донти, тяо...

В дальнем углу кабины командир дивизиона Там тихо говорит что-то своим ребятам. Светятся ярко-зеленые экраны индикаторов, дрожит розовый свет неоновых лампочек. Нежные руки Биня, хорошего нашего знакомого, лежат на штурвале. Он оборачивается к нам, и мы в темноте замечаем его ослепительную улыбку.

— Тяо, донти...

Я подсаживаюсь к связисту и гляжу в его журнал. До самолетов километров сто.

— Много американцев,— качает он головой.— На Ханой.

На Ханой идет авиация ВВС — из Кората или Такли. С авиабаз в Таиланде поднялись в воздух несколько десятков истребителей-бомбардировщиков F-105 «Тандерчиф» (или «Тад», как их еще зовут американские пилоты).

Комиссар дивизиона, суровый и не очень разговорчивый человек, как-то сказал нам:

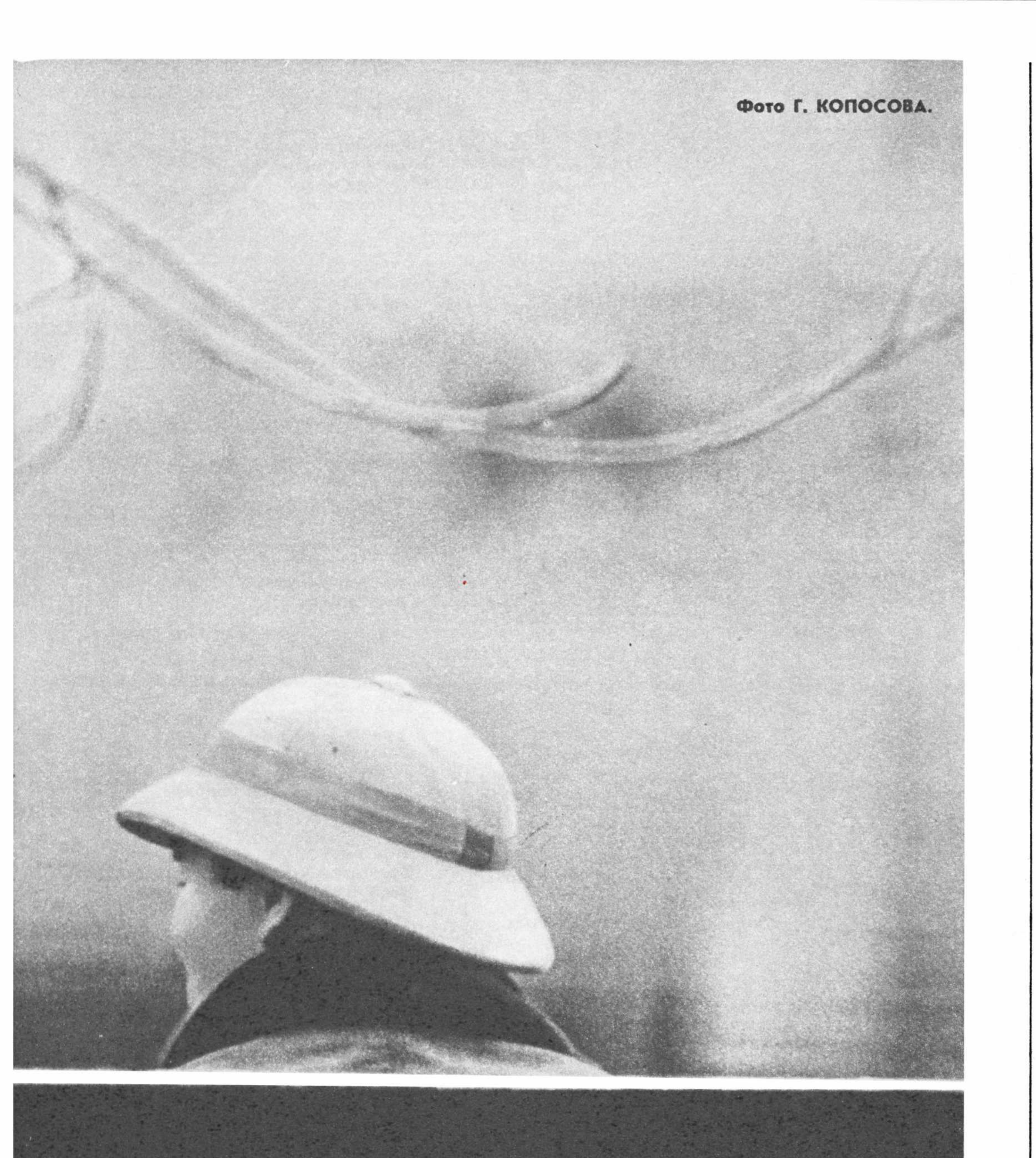
— Над Северным Вьетнамом сбито более сорока типов и модификаций американских самолетов, от новейших F-111A до «Супер Сейбров», на которых американцы летали еще в Корее. Американцы прислали во Вьетнам абсолютно все, что у них есть. Они сняли с консервации старые самолеты, они прислали даже и то, что еще нуждается в испытаниях и доработке...

Связист пишет в своем журнале цифры столбиком. Видно, как строй «Тандерчифов» меняет азимут и идет куда-то на север. Вертятся шкалы сельсинов, подрагивают стрелки, ползут медленно. Бинь не отрывается от экрана. Капитан Там, не оборачиваясь, разговаривает со своим расчетом. Группа самолетов отделяется от строя и приближается к дивизиону. Тихо в кабине, медленно ползут стрелки, движения операторов плавны. Совсем не чувствуется, что самолеты идут со скоростью около трехсот метров в секунду. Здесь не слышно их рева.

Там командует, командует отрывисто, напряженно. Щелкают тумблеры. Идет боевая работа...

И вот гул сотрясает кабину. Не успевает он стихнуть, как еще одна волна захлестывает нас. Кабина некоторое время дрожит, но никто не обращает на это внимания: идет привычная работа, две ракеты сошли с пусковых установок. Я стою за спиной Биня, и мне на секунду даже становится смешно: от напряжения у него двигаются уши. Отметки ползут по

Фото Г. КОПОСОВА.

ТЕ ХАНЬ

ВЗЛЕТЕЛИ

О первых подвигах пилота Чан Ханя

Взлетел я ввысь на птице стальной...
Рой облаков, как пар, кипит подо мной.
Два истребителя стремительно летят,
Как бы хотят померяться быстротой.

Взлетел. А за мной детство мое встает.
О, я не позабыл его бед и забот!
Еще тогда о волшебном мечтал,
О том, чтоб забраться на небосвод.

Взлетел. А под крыльями — мир родной:
В просвете вижу реку, лес над водой.
Социалистическая родина моя,
Несу свою любовь тебе одной!

Взлетел. А за мной — Южный Вьетнам.
Кто не знает, как смело борются там?
Плотней сгущайтесь, кучевые облака:
За злодеянья — возмездье врагам!

У нас в звене один уговор:
Огнем американцам давать отпор.
Мы заработаем по красной звезде [1].
От черных следов очистим синий простор!

Перевел П. Железнов.

[1] На крыле самолета, сбившего противника, вьетнамцы рисуют красную звезду.

экранам, сближаются... Пять секунд... десять... пятнадцать... двадцать...

— Все,— оборачивается Бинь. Глаза его блестят в темноте.— Еще один.

Наблюдатели доложили Таму, что F-105 после встречи с ракетами развалился в воздухе, а обломки его упали в десятке километров от дивизиона, за рекой. Как сказали с НП, пилот погиб.

Только прошла стрельба, а в стороне уже собрались солдаты и играют во вьетнамские шахматы, может быть, доигрывают продолжающуюся третью неделю партию — игра сложная, длится долго, играют солдаты расчетом на расчет. Расчертили на земле сетку, на табличках, вроде наших «по газонам не ходить», нарисовали обозначения фигур и втыкают их в землю. Вокруг площадки сидят на корточках сосредоточенные болельщики, изредка разражаясь возмущенным «ыыыййyааа».

* * *

...Мы устали спускаться в убежище, напяливать каски. Мы продолжали пить пиво даже тогда, когда наш дом затрясся от пролетающих над ним самолетов. Стаканы в наших руках подрагивали то ли оттого, что все вокруг тряслось от близких взрывов и пикирующих машин, то ли от чего-нибудь другого.

Можно было догадаться, что бомбят соседние с нами ханойские жилые кварталы Батьмай.

Во время налета можно различить характерный звук, возникающий при полете ракеты «шрайк». Звук этот совершенно не похож на остальные звуки боя: «шрайк», пролетая, шуршит...

Взрывы бомб глухи, будто лопается что-то тяжелое и мягкое.

Зенитки лают. Пулеметы захлебываются. Трещат винтовочные выстрелы самообороны с крыш домов.

Зенитная ракета гудит басом, гул постепенно стихает, замирает совсем, и вот после напряженного ожидания раздается совсем несильный хлопок взрыва боевой ее части.

Самолеты ревут, рев от нескольких самолетов накладывается друг на друга.

В секунды тишины слышно, как по крышам и асфальту щелкают осколки. Начинают сыпаться они, когда еще не стихнут и рев американцев и какофония ПВО. Они щелкают, как капли, падающие в таз с водой. Осколки падают настолько горячими, что их невозможно удержать в пальцах.

Во время боя сверху сыплются листья...

После налета мы выскочили из комнаты и бросились туда, откуда раньше были видны дома Батьмая. Над Батьмаем стояли столбы дыма и пыли. Нас обсыпáл пепел. Пахло гарью. Из убежищ выходили женщины с грудными детьми на руках. Мы стояли молча и, как загипнотизированные, смотрели в сторону разбитых домов и подсчитывали про себя все еще продолжавшие раздаваться взрывы бомб замедленного действия. Судя по силе взрывов, бомбы были тяжелые, тонные...

Опять разошлась сирена, и женщины с безумными глазами, прижимая детей, бросились в убежища. Но на этот раз прошли разведчики, чтобы произвести оценку результатов своих действий...

Через несколько часов мы встретили нашего знакомого Лака. Его френч и брюки были заляпаны грязью, а сам он непрерывно вытирал платком чистое лицо. Он был контужен, беспричинно смеялся, а в глазах его стояло что-то совершенно отличное от того, что я видел до сих пор...

— Когда они появились прямо над нами,— говорил Лак,— я и не думал ничего. Но тревога — тревога. Я соскочил с велосипеда... После первого взрыва чудом оказался возле дерева. Велосипед остался на дороге. Больше спрятаться было негде...

Весь налет он простоял у дерева, а рядом творилось невозможное. Мы потом были на этом месте и смогли представить, что там происходило. Человек стоял у единственного убежища — дерева, а рядом рушились дома...

Вдали на горизонте громоздились ослепительно белые облака, над которыми проходил бой. В небе тянулись, перекрещиваясь, уже расплывчатые следы инверсии от ракет, и ветер там, наверху, разносил клочья их оранжевых взрывов.

В этот налет американцы потеряли еще шесть самолетов...

Ханой— Москва.

ФАМ ДЫК,
боец Вьетнамской народной армии.

ДОЖДЛИВАЯ НОЧЬ И СВЯЗНЫЕ

Дождь. Тропический дождь кругом.
Треск кузнечиков в тростнике.
Мы на голос дождя идем
Друг от друга невдалеке.

Смолкли птицы ночные вокруг,
Ищут — спрятаться бы куда.
И кузнечики смолкли вдруг —
Гнезда им залила вода.

Чтобы не разлучила ночь,
Мы, связные, сквозь дождь поем.
Только песней нам не помочь —
Заливает песню дождем.

Звук не слышен, не виден след.
Лишь мелькнет вдали в тростнике
Свет фонарика, красный свет.
У товарища он в руке.

Что на фронте? Дождь или жар?
Весть приходит, в дожде гудя.
Что на фронте? Главный удар!
И на сердце нету дождя.

Перевел Лев Ошанин.

НГУЕН ДИНЬ ТХИ

РАССТАВАНИЕ НОЧЬЮ В ХАНОЕ

Ханойской ночью ты со мной
Идешь, любимая моя.
Пронзают фары пыльный зной.
На небе месяц, как ладья.

Горящих пуль пунктирный дождь
Сквозь ветер хлещет горячо.
Со мною рядом ты идешь.
Винтовка давит на плечо.

Любимая, боюсь, что вдруг
Исчезнешь ты с лица земли.
Сплошные сполохи вокруг.
Смертельный гром гремит вдали.

Ты блеском звезд озарена
И тихим пламенем луны.
Но завтра, как велит война,
С тобой расстаться мы должны.

Нас разлучат бои, фронты
И злая даль путей и трасс.
А предо мной — твои черты,
Огонь твоих бесстрашных глаз.

Сегодня ночью мы вдвоем
Глядим на сквер, изрытый сплошь.
Пред нами лунный водоем.
И снова рядом ты идешь.

Нам автостанция видна,
Она в бурливости людской.
У нас разрушила война
Очаг и отняла покой.

Смотри, сигналит самолет
Огнями в черной вышине.
Он знак надежды людям шлет.
Он верный друг тебе и мне.

Ты слышишь ровный гул работ
У стен, разбитых в пух и прах.
В ночи работает завод.
Сюда не вхожи сон и страх.

А ты со мной идешь опять
По дамбе, вросшей в берега.
И нам с тобой любая пядь
Земли ханойской дорога.

Земля!..
Во мгле сторожевой
Горит фонарь. Не спит малыш.
А ты с открытой головой
Идешь и горестно молчишь.

И я беру твою ладонь,
Хранить молчанье не могу.
Всей нашей жизнью молодой
Клянемся дать отпор врагу!

Прощай до срока, наш Ханой.
И ты и свет любимых глаз.
Тебя — с винтовкой за спиной —
Я обнимаю в грозный час.

Перевел Сергей Смирнов.

Время ловли птиц

То Хоай

Рисунки И. УШАКОВА.

То Хоай (родился в 1920 году) — один из крупнейших современных вьетнамских писателей, большой друг Советского Союза, неоднократно бывал в нашей стране. Пришел в литературу до Августовской революции 1945 года, участник войны Сопротивления. Автор многочисленных романов, повестей и рассказов.

Советский читатель знаком с То Хоайем по его книгам «Приключения кузнечика Зы-мена», «Озорник Лиу», сатирической сказке «Мышиная свадьба».

В старину односельчане слыхивали не раз, что когда «тэи[1] в год Петуха[2] взяли Ханой», дед и отец старого До ушли в город, бились там с неприятелем и погибли оба в крепостном рву подле Южных ворот.

Ну, а самого старого До в извечной набедренной повязке видели всегда за деревней. Там он и жил в шалаше, убогом и тесном, на серых боках которого всякий год желтели заплаты из свежей соломы.

Сперва за околицей не было ни межей, ни полевых знаков и, куда ни глянь, зеленели водяные травы. А в начале лета лиловые и белые цветы пестрели до самого окоема. Но люди, шлепая вброд, распахивали трясину. Случалось, буйволы волокли плуг по болоту вплавь, и только черные ноздри их поблескивали над водой. Так постепенно здешние пашни слились с деревенскими наделами.

Старый До батрачил на полевых работах. Что ни день он — чуть не нагишом, в набедренной своей повязке — рыхлил землю мотыгой. Таким и видели мы его — бог знает, сколько лет,— в пору нашего детства.

Ну, а для нынешней детворы старый До — кладезь разных историй, да и выглядит он уже вовсе не так, как прежде. «Здравствуйте, дедушка До»,— вежливо раскланиваются с ним малыши. Они любят ходить за ним в поле. Главная потеха наступает у них, когда поспевает рис и приходит время ловить горлиц. В начале октября, едва зажелтеют нивы, горлицы слетаются — стая за стаей.

И тогда старый До выходит с клеткой, где сидит уже птица-привада. Малыши шагают следом. Один тащит колья, другой — сеть, третий торопится нарезать веток. Четвертый несет кальян старика. Все суетятся, спешат.

А горлицы летят — сизые, красноперые...

Потом приходит октябрь, и снова пора в поле на птичью ловлю...

* * *

Когда-то тропа, выходящая за околицу, терялась в тростниках. Тростник цвел пушистыми белыми кистями. По ночам в октябре цветы тростника казались еще белее на фоне прозрачного небосвода. И чудилось, будто все земли, уходящие на запад от городских пределов, с того самого года Петуха запустели и пашнями владеют тростники и дикие лисы.

Но нет...

Если пойти, огибая город, по берегу То-лить[3] до пригородных земель, то нередко и за полночь можно вдруг услыхать диковинные скрипучие звуки, плывущие в молчании ночи. Нет, здесь все-таки был человеческий дух, были люди...

От последних хижин отделилась чья-то тень.

Луна опустилась к самому полю и высветила речное русло, золотым потоком убежавшее вдаль.

С берега послышался чей-то голос, из шалаша откликнулся другой:

— Эй, отец!

— Ты ли это, мой первенец?

Сын вышел из шалаша. Оба они стояли в лунном свете. На обоих были набедренные повязки. Правда, у отца на плечи наброшена была накидка из бычьей шкуры, прикрывавшая колени.

— Начальника все нет? — негромко спросил отец.— Жду его, не дождусь. Народу собралось множество, ожидают. Того и гляди рассветет. Пойду-ка я полями господину навстречу.

— А может, начальник ушел вместе с войском?..

---

[1] Тэи — от вьетнамского «tây» («западный») — пренебрежительная кличка французов и вообще европейцев, употреблявшаяся прежде.

[2] Год Петуха — десятый год двенадцатилетнего лунного цикла, где каждый год назван по какому-нибудь животному. Здесь имеется в виду 1873 год, когда войска французских колонизаторов, поддерживаемые корабельной артиллерией, после жестокого боя захватили в первый раз Ханой. Окончательно город был занят колонизаторами лишь через 10 лет.

[3] То-лить — река, протекающая близ Ханоя.

— Войско выступило вот уже которую ночь, и присягу уже принесли. Не тревожься. Мне ли не знать нрав начальника, я ведь служил у него прежде.

— Вы сейчас и пойдете?

— Да. Начальник любит точность. Подай-ка мне зеленую повязку. Перед встречей с начальником надобно приодеться.

Сын вошел в шалаш и вынес тщательно сложенную вчетверо длинную повязку. Подсунув руку под накидку, отец обмотал повязку вокруг бедер, старательно разгладил ткань, затянул концы так, что на кушаке не осталось ни складки.

Сын спросил:

— Какой вы пойдете дорогой?

Отец кивком головы показал в сторону.

— Начальник оттуда придет?

— Твоя жена сварила рис и зажарила рыбу,— вместо ответа сказал отец.— Дождись меня, пойдем вместе. Только я-то уже готов, а вот тебе надо будет еще надеть такую же зеленую повязку. Если хочешь служить у начальника, старайся быть опрятным. И нужно приготовиться заранее, понял?

Он быстро скрылся в по-прежнему безмолвных зарослях тростника.

Десять лет назад, в тот раз, когда впервые «тэи пришли и взяли город», отец был солдатом и охранял Северные ворота. Тогда его ранили в ногу. Друзья на себе принесли его домой. Лечился он долго, несколько лет, но так и остался калекой — пуля угодила как раз в сухожилие.

Теперь он уже не мог больше сам ставить и вытаскивать сети. Но у него была опора — сын. Отец и сын ютились в шалаше среди тростников и питались чем бог пошлет — креветками, рыбой и разной полевой тварью. Их подолгу не видели в деревне. Но все новости о волнениях, то и дело вспыхивающих повсюду, до них доходили. Уже в этом году разнеслась весть о том, что кто-то на Севере объявил себя наследным правителем и начал набирать войско, поведет его против тэев.

Известие это всполошило тогда всех.

Отец и сын тоже жили в постоянном ожидании. Но почему-то никто так и не появился. И через некоторое время у жителей предместья осталось только искреннее желание присоединиться к поднявшемуся войску. Люди, вербовавшие по деревням солдат, больше не появлялись. Ну, а на чиновников и тем паче на тех, у кого была ученая степень и известность, уж совсем нечего было рассчитывать. Многие в то время, что называется, сменили кожу, порешили, «отбросив кисть, взять железные перья» и подались к неприятелю.

Тем временем в предместье все чаще стали объявляться небольшие вооруженные группы из смешанного люда. Они обычно задерживались в тростниках обсудить свои планы.

Эти люди воистину горели ненавистью. Иногда кто-нибудь из них, вспомнив обычаи древних, внезапно исчезал, часто прямо среди трапезы, когда его товарищи предавались возлияниям, и незамеченным проникал в город. Оттуда он возвращался, прихватив голову предателя, измазанную кровью, а в придачу еще и его остроконечную пальмовую шляпу с серебряным набалдашником и бахромчатыми завязками — такие шляпы носили мандарины, управители провинций,— и красный кушак. Все это он небрежно швырял наземь перед друзьями, ждавшими его у подноса с вином.

...Жители предместья, славившиеся своим благородством и честностью, презирали богатство и чтили справедливость.

В прошлом году в Ханое опять засели тэи. «Тэи в год Петуха взяли Ханой». С большого дерева здесь, за околицей, видны были клубы дыма, поднимавшиеся там, где город, и все время с самого рассвета было слышно, как стреляют в той стороне. Все это только усиливало нетерпение ожидавших.

— Так, значит, тэи снова пришли,— обратился отец к сыну.— Хотел бы я знать, что эти начальники, защитники города, перебиты все или сдались в плен тэям, почему никто оттуда не появляется?

На следующий день сын отправился в город разузнать новости. По всем окраинным кварталам — от Тхюи-Тионга и Бай-ана до Тей-куа по ту сторону Западного озера — люди скликали друг друга и шли в город подбирать беспризорное добро. Все начальники, защитники города, бежали. Резиденция наместника стояла пустой. Люди из Иен-тхая и Хо-кхоу ворвались туда, разобрали стены и булыжную мостовую, вынесли весь камень и сложили из него вокруг своих селений оборонительные стены. А в Ко-нюе ухитрились даже приволочь паланкин на шестнадцать носильщиков.

Сын вернулся с целой охапкой белых юбок, он объяснил, что это одежда черных солдат — тэев. На этот раз тэи привезли с собой «черных тэев в юбках». Охотники за вещами добрались до самого лагеря и, убив несколько «черных тэев», раздели их.

Спустя немного пришла другая весть — якобы на Севере один военачальник поднял войска. При этом известии все, кто раньше ходил биться с неприятелем, воспрянули духом. Отец как-то дознался, что это его прежний начальник, и снова, в который раз, забеспокоился, засобирался. Несмотря на волочившуюся ногу, он вознамерился примкнуть к войску и порешил, что на этот раз с ним пойдет сын.

В ту ночь, как было условлено, и должно было пройти войско начальника.

Оно появилось сразу, едва только отец ушел. Пришло оно по самой короткой дороге, прямо через реку То-лить. Из шалаша были хорошо видны шагавшие один за другим люди. Войско начальника! Отец ошибся, пошел другой дорогой! «Вот неудача, на мне только одна повязка, все равно что голый! Начальник очень строг. Как показаться ему на глаза?!» — горевал сын. А дома осталась жена, одна-одинешенька, она не очень-то сообразительна и к тому же сейчас ходит беременная, откуда ей взять подобающую случаю почтительность!

Поразмыслив, он все же решил, что домой ему лучше пока не показываться. Начальник очень суров.

Начальник повелел войску остановиться на ночлег. Короткий сон должен был придать сил и бодрости перед завтрашней битвой за город.

В чадном свете факелов вдруг мелькнула женщина. Солдаты тут же схватили ее, один из них за волосы приволок к начальнику.

— Кто ты — девушка ли, женщина ли? Куда собралась так поздно?

— Господин, мой муж там, у рыбачьего шалаша, он ждет выступления войска господина, чтобы пойти с ним.

— Так...

— Господин, отец моего мужа недавно вышел в поле навстречу вашему войску. Видно, сбился с пути...

— Так...

Но начальник не очень заинтересовался этим известием. Он скользнул взглядом по короткой накидке из пальмовых листьев, оттопыривающейся на большом животе женщины, и, убедившись, что перед ним не шпион, больше ни о чем не спросил.

Расставили вынутые из сундучка лампы. Прямо на земляном полу, вокруг трепещущего при каждом вздохе огня лампы, расположились приближенные начальника, заядлые курильщики, им затяжка опиума — все равно что кошке сало.

Сам начальник, склонив голову с тяжелым шиньоном на подушку, смаковал только что сделанную затяжку. Широкий плоский меч, прикрепленный к узлу шелкового пояса, тускло поблескивал на ярко-красном фоне штанов.

Угрожающе щетинились копья, трезубцы, пики, высилась груда накидок из пальмовых листьев, поблескивали стволы двух ружей — у обернутых узорчатой парчой прикладов чернели подвешенные к стволу мешочки с пулями.

Женщина подождала немного и, не услышав больше ничего от начальника, молча отошла к очагу.

Солдат, что привел ее, затушил свой факел о дерево и, проклиная чересчур бдительного стражника, из-за которого понапрасну потерял столько времени, бросился искать себе место.

Но почти никто из солдат не спал. В тесноте — в каждую хижину набивались до отказа — люди не могли шевельнуться. Многие уходили прямо в тростники, но там было сыро и холодно, лежал иней. Мерзли так, что от дрожи шелестели накидки из пальмовых листьев, но глаза слипались, и все чаще раздавался громкий храп усталых людей.

Начальник неторопливо потягивал кальян. Вдруг он вздрогнул и выпустил из рук трубку. Перед ним белело чье-то круглое лицо. Это была снова та женщина, только на этот раз одна. Начальник успокоился и, затянувшись, прикрыл глаза. Но все время, пока женщина говорила — сначала, правда, она говорила, а потом стала просто орать,— рука его лежала на рукоятке меча.

— Господин... господин, кто-то из ваших украл у меня юбку. Она висела на стене. У меня всего одна юбка!

Начальник открыл глаза — женщина сидела перед ним на корточках, куталась в шуршавшую пальмовую накидку. В тусклом свете масляной лампы глаза ее горели таким гневом и обидой, что начальник, привыкший убивать людей, как лягушек, наклонившись, толкнул старшего помощника, лежавшего рядом:

— Кто-то из них смерти ищет. Ступайте, узнайте, что там.

— Но слуги боятся, из них никто не станет, начальник.

— Петухи скоро пропоют, а если вы оглохли, как пойдете утром биться?

Старший помощник не осмелился в ответ на раздраженную фразу начальника заметить, что утрата спокойного расположения духа перед сражением — дурной признак. Он молча поднялся и вышел, вслед за ним торопливо выскочил и младший помощник.

Раздалась какая-то возня, неясное бормотание, мольбы вперемежку с ругательствами, возгласы: «Выступаем?», «Сейчас?», «Эй, сейчас выступаем!»

Сонные, еще не пришедшие в себя, съежившиеся от холода, поднимались со всех сторон люди. Помощники придирчиво оглядывали их, и вдруг глаза выхватили из толпы какого-то скрючившегося солдата. Его вытолкнули вперед. Одной рукой он держал копье, другую крепко прижимал к животу.

— Стать прямо! — рявкнул старший помощник.

И все увидели, что солдат безуспешно старается выпутаться из юбки, которая обхватила, точно вершой, его ноги и не давала сделать ни шагу. Помощник шагнул вперед, и на солдата посыпался град ударов. А он, извиваясь, все пытался освободиться от юбки. Но едва успел ее снять, как подскочила женщина, вырвала у него из рук юбку и мгновенно исчезла. Солдат потерял равновесие и грохнулся на землю.

Начальник смотрел на все это из дома. Он восхищенно покачал головой:

— Вот так тетка! Если б не ее живот, взял бы завтра с собой на тэев!

Начальник велел убирать лампы. Край неба начинал светлеть. Где-то прокричала выпь, потом пронеслась, размахивая крыльями, по прозрачному от холода небу.

Из хижины и зарослей потянулись тени, в суете и спешке все толкали друг друга. Войско готовилось выступить.

А женщина, захватив с собой юбку, бежала к шалашу у поля.

— Это ты, жена? Отец вернулся?

— Нет еще. Войско начальника уже здесь!

— Знаю.

— Как только начальник докурит кальян, они выступят.

— Я тоже пойду, не буду больше ждать отца!

Женщина вынула из-за пазухи маленький сверток из банановых листьев, присела на корточки и тихо сказала:

— Здесь рис и жареная рыба. В город придете как раз к рассвету. Бой кончится, тогда и поешь. Я хочу тебе дать вот еще это...

— Что такое?

— Юбка. Отец еще не вернулся, а на тебе одна простая повязка, не хочу, чтобы ты так шел. Неудобно в таком виде показаться начальнику. Мы сейчас юбку порвем, и будет у тебя зеленая повязка.

Женщина выдернула из ткани нитку и, отделив край юбки, протянула мужу. Мужу речи жены показались разумными. Он сложил ткань вдвое, примерил и, смеясь, принялся обматывать вокруг бедер. Потом аккуратно расправил повязку и завязал концы так, чтобы один спускался с бедра.

— Посмотри, все ли хорошо?..— спросил он.

Жена протянула руку, тщательно разгладила повязку сзади, выровняла концы, вздохнула и сказала негромко:

— Все хорошо...— И совсем тихим от нежности голосом добавила: — Хорошо, все хоро-

шо. Ты посиди здесь, подожди, пока они пойдут.

Но, подняв глаза, она тут же увидела движущиеся фигуры. Хрупкий бамбуковый мостик скрипел и качался под их тяжестью. Их силуэты, словно пальмовые листья, гонимые ветром, отражались в реке, залитой лунным светом. От берега до берега протянулась цепочка людей.

Женщина прижала руки к груди и прошептала:

— Войско начальника...

Муж торопливо засунул сверток с едой под повязку, наклонился, из-под циновки, расстеленной посредине, достал тесак. Потом неслышно выскользнул из шалаша и присоединился к последним.

От берегов То-лить, через Конг-Ви до Зианг-во[1] по всем дорогам Севера, от реки Кайсань, пахари из Ной, Као, Кот, Вонг, ткачи и плотники трех сел в Иен Тхай, четырех сел в Нгиа-до[2], жители предместий — все они, которые бог знает сколько времени провели в ожидании и надеждах, теперь поднимались вслед за выступившим войском и уходили, прихватив тесаки, пики и маленькие свертки с едой.

В каждом селе ждали, уже наготове, и едва появлялось войско, шли следом.

Отец вернулся только к рассвету.

— Жена моего первенца, я решил, хоть и поздно, но на этот раз я все равно пойду в город...

Отец спрятал под накидкой сверток с рисом и жареной рыбой, что дала невестка, взял тесак и ушел.

В шалаше у поля осталась одна женщина. Односельчане часто потом слышали, как ночами скрипели там сети. Эта отважная женщина, не отдыхая ни ночью, ни днем, ловила рыбу, креветок, добывала себе пропитание, дожидалась мужа и отца.

Вот что случилось когда-то, перед тем как родился старый До.

* * *

В нынешнем октябре старый До неожиданно переселился за деревню.

Впрочем, тут же стало ясно, что к этому он готовился давно. У него, оказывается, уже были припасены и вымоченные бамбуковые палки и отложен в кухне большой моток веревки из бамбукового лыка.

Дождавшись октября, когда односельчане стали сушить солому, старый До навел на шалаше крышу. Шалаш был маленький, весь сделан руками самого До, но было в нем все, что полагается, и ничего не нужно было брать из деревни. Близ шалаша росли бананы, и сильный полевой ветер рвал их листья, отчего они становились похожи на редкие зубья гребенки. Здесь, за околицей, ветры всегда бывали сильны.

Односельчане спрашивали старого До:

— Решили присматривать за полем?

Но старый До молчал.

— Правильно, дедушка,— одобряли другие.— Верхнее поле теперь «специализированное», будем на нем овощи выращивать. Вот хорошо, что вы поможете, а то птицы и мыши совсем замучили.

Совсем недавно сразу за бамбуковой зеленью околицы по новому плану «производства на борьбу с врагом» для предместьев кооператив отвел участок под овощи и туберозы. Ранними зимними утрами в город тянулись теперь вереницы повозок, нагруженных капустой и цветами. В тумане повозки совсем не были видны, слышен был лишь торопливый цокот копыт по мостовой, да разносился вдоль дорог аромат тубероз.

Зато детвора, узнав о переселении старого До, решила по-другому:

— Дедушка будет там потому, что оттуда ближе ходить на птичью ловлю. Скоро будем ловить птиц.

Старый До слушал их и улыбался.

И в самом деле, птичья пора уже наступила. Здесь, в чистом и спокойном небе предместья, иногда уже появлялись стаи горлиц. Птицы делали круг и опускались, точно кто-то невидимый внизу рассыпал им зерно. Знатоки птичьей ловли приходили аж с другого берега реки поставить здесь сети. Ранняя горлица ценилась высоко. Районный магазин покупал ее охотней всего, за десяток птиц к положенной плате прибавлялось еще разрешение на лишнюю пачку первосортного чая.

Односельчане увидели, как внук старого До несет ему большой моток толстой веревки, и решили:

— Выходит, верно детвора говорила! Старый До вышел ловить птиц! В этот Новый год угостит всех отменным чаем!

Рано утром внук отправился к деду.

Туман на поле еще не рассеялся, на мокрой траве оставались следы, едва проснувшиеся белые бутоны тубероз, казалось, улыбались.

Мальчик заглянул в шалаш. На охапке соломы сидел старый До и потягивал чай.

— Положи веревку сюда,— сказал он внуку.— Мы с тобой сегодня выйдем пораньше, нужно твоему отцу занести завтрак. А вечером хорошо бы успеть в город за разрешением.

— Отец сказал, чтобы вы не ходили, у нас есть продукты.

— Пусть его...

Внук плутовато сощурил глаза. Раз уж дед задумал ловить птиц, никто ему помешать не в силах. На стене уже приготовлены сети, а вот и целая связка кольев, облепленных красной глиной, охапка сухих веток, клетка для птиц-привад. Мальчик поднял ее с пола — несколько птиц, привычных к человеку, как ни в чем не бывало продолжали спокойно спать, склонив головки в ожерельях разноцветных перьев.

Мальчик положил у стены длинную связку щепочек, похожих на бамбуковые лучинки,— высушенную кору дерева папайи. Ее прислала мать — «пусть дед раскуривает свой кальян».

Дед и внук отправились ловить птиц. Впереди шагал внук, прижимая к груди целую охапку кольев. Он шел быстро и старался не думать о том, что отец вот-вот снова уедет. Ему не терпелось похвалиться перед отцом: я умею ловить птиц, даже тебе на обед принес!

Дед и внук подошли к месту, где обычно расставляли сети. С незапамятных времен местом птичьего лова была лужайка сразу за деревней, та самая, которую сейчас седьмая бригада засадила овощами. Свободными оставались только два небольших клочка земли по краю рисового поля да огромная вековая шелковица. Сюда часто прибегала детвора, выискивала на дереве шелковичных червей — старики делали лекарство, вымачивая червей в спирте. А когда-то, давным-давно, в это время вокруг, куда ни глянь, цвел один только дикий тростник.

Разрыхленная под овощи земля щетинилась красными комьями. Часть участка осталась невскопанной — женщины из седьмой бригады постарались для старого До, успеют вскопать, когда кончится птичья ловля.

Старый До уже побывал здесь и аккуратно разровнял площадку, чтобы она не громоздилась угрожающе комьями, как вскопанная рядом борозда, и птицы легко могли принять ее за естественную.

Внук проворно помог деду снять с плеч сеть и принялся вбивать колья. Старый До принес веток, набросал, натыкал поверх сети и оглянулся на внука:

— Выпускай «дьема»[3].

Мальчик осторожно, одну за другой, стал вынимать из клетки привад. Каждой он надевал на глаза связанную колечком травинку, потом легонько подбрасывал вверх. Привады с завязанными глазами, раскинув крылья, то взлетали вверх, то опускались, и издали казалось, что птица парит над землей.

Проследив, как внук пробует привад, старый До затянулся из своей трубки и с довольным видом похлопал по коленям. Последние несколько дней похолодало, но «дьемы» держались бодро и сравнительно весело помахивали крыльями. Пожалуй, птицы к ним подлетят без опаски.

Закончив все приготовления, дед и внук стали поджидать птиц. Начиналось трудовое утро, поле оживлялось. Появилась бригада овощеводов. Они несли щетинившиеся на плечах ружья и деревянные кувалды, которыми дробили комья. Только издали трудно было разобрать, где ружье, а где кувалда. Зато там, где шла пахота, ружья видны были сразу — они покачивались на спинах у буйволов. А бригада женщин из «трех замен»[4], собиравшая туберозы и цветную капусту, сегодня притащила с собой даже пулемет на двух колесах, похожий издали на маленькую повозку.

— А вон мама! — показал внук.

В ополчении все было теперь по-новому, с прошлого года там учились приноравливаться к сезону, к месту работы и вообще к заданию каждого дня.

При мысли об этом у старого До потеплело на душе.

Над краем поля показалась стая горлиц. Старый До присел, неторопливо протянул руку и подбросил вверх двух привад. Привады сделали круг и опустились, запрыгали по плетенке из бамбука... Держа наготове концы веревки от сети, в кустах ерзал от нетерпения внук. А старый До думал о разных вещах — об уче-

[1] Районы близ Ханоя.
[2] Река и районы на Севере.
[3] Старик называет птицу-приваду «дьем» — по имени бывшего южновьетнамского диктатора Нго Динь Дьема.
[4] Распространенное в ДРВ женское движение «три замены»: заменить мужчин на производстве, в семье и в бою.

нии ополченцев, о птицах, о тэях и об американцах. «Тебе от меня не уйти». Американцам ли то была угроза или, может, птицам...

А горлицы тем временем пролетели мимо.

Старый До ничуть не жалел об упущенной стае. Велика важность, улетели! Не эти, так другие попадутся. Об этом тужить нечего, скоро все поле усыплют красноперые. Старый До с удовольствием затянулся. Обгоняя неторопливое бульканье кальяна, бежали мысли...

До вытряхнул трубку, крякнул и повернулся к внуку:

— Слышишь, малыш, а вон там раньше стоял пост тэев.

Во времена Сопротивления деревню со всех сторон окружали мрачные посты. На дороге к Ханою их свирепые глаза впивались особенно часто, следили за каждым шагом.

Как-то ночью старший сын До, партизан, заглянул домой.

Старый До тогда спросил его:

— Скажи мне, мой старший, долго еще эти посты будут мозолить людям глаза?

— Недолго, вырвем!

Старый До, услышав, какая участь ожидает зловещие посты, решительно хлопнул по колену:

— Правильно, нужно вырвать!

Но партизаны вскоре ушли в другое место, поднимать людей в пригородах. Старший сын пришел в последнюю ночь и увел с собой брата. А пост так и остался торчать. Для старого До он был просто бельмом на глазу.

В тот год, в холодную пору, крестьяне ходили раскапывать мышиные норы. Обычно мышей было много, но сейчас, без урожая, их совсем не стало. Старый До увидел их следы только у самого поста, ведь только там им было чем поживиться.

Он заметил, как мышь подбежала к самому посту, быстро поднялась по желобу и юркнула под проходившую по стене колючую проволоку. Старик не стал за ней гоняться: слишком страшны были щетинившиеся над проволокой, как иглы дикобраза, ружья тэев. Он проводил пристальным взглядом мышь, исчезнувшую за стеной, постоял немного и неожиданно громко крикнул:

— Ясно!

Ясно! Все ясно! У старого До был на редкость спокойный характер. Если он говорил: «Ясно!» — это значило, что он задумал что-то, что непременно сделает. Он, конечно, не собирался броситься вдогонку за мышью. Просто при виде мыши, юркнувшей в пост, ему на ум пришла одна мысль. Ясно, все ясно! Партизаны не сделали, ну что ж, сделает он.

И вот как-то ночью старый До принес в корзинке на поле трех больших крыс. У каждой к хвосту был привязан лоскут, пропитанный бензином. Он тихонько подкрался к посту сзади. Осторожно чиркнул спичкой, и через сточный желоб к посту побежали три пылающих факела.

Сам До отошел к краю поля, оттуда было хорошо видно. Как иголками, колол мелкий холодный дождик. Старик смотрел на пост — пока ничего нет, наверное, придется еще раз попробовать.

И вдруг поле вздрогнуло от мощного взрыва. Высоко взлетел громадный сноп огня, словно тысячи молний собрались в небе и упали разом. Загорелся склад снарядов. С той поры мрачного поста у поля больше не стало.

Детвора часто прибегала играть на то место, где был когда-то пост. Он стоял, когда их и на свете еще не было, но до сих пор находили они там гильзы. Всякий раз, рассказывая им историю, «как пустил крыс и поджег пост», старый До громко смеялся:

— Так ему, зачем пришел на наше поле! Вот и пустил «бродячих поджигателей», вырвал его прочь!

Воображение внука расцветило дедовы рассказы, и он придумал начало и конец для этой истории. Вот его гордый дед целый день, с утра до ночи, шлепает вброд по рисовому полю и ищет тэев. Какого встретит — сразу убьет. Вот он перебил уже всех и пускает крыс поджечь вражью берлогу. И тэи сгорают дотла. А теперь отец, два дяди и два брата, подражая деду, ушли в армию и в партизаны и ищут повсюду американцев, ловят сбитых американских пилотов, и это очень похоже на то, как ходят ловить птиц или мышей. Американцам тоже не спрятаться на нашем поле.

...Ну, а горлицы эти все же улетели. Внук сказал деду:

— Ты посиди, отдохни, я послежу.

— Хорошо, у тебя глазки ясные. Я, пожалуй, тогда поздно подкинул «дьемов»!

Из деревни донесся пронзительный голос гонга.

— Тревога! — крикнул внук.

— Посмотри-ка, поднялись уже зенитки?

— Ага, и все наши ополченцы пошли!

Поле мгновенно замерло. Только вдалеке деревянными кувалдами дробили комья, видно было, как неторопливо поднимались кувалды. Тишина точно остановилась, и старику вдруг вспомнилось далекое детство. В тишине ему всегда чудится шепот матери, рассказывающей, как дед и отец — сначала отец, а потом, на рассвете, и дед, но он все равно успел и тоже бился у Южных ворот — ушли в город с войском лунной ночью, когда было так холодно.

Старый До силился разглядеть зенитки, он частенько ходил туда, носил саженцы бананов и папайи, бойцы окружали ими окопы. Иногда он задерживался там, прислушивался к диковинным, чужим словам — бойцы учили ополченцев, что говорить пленным американцам,— и тихонько повторял их про себя.

Зенитки, грозно смотревшие в небо, выглядели очень внушительно. «Господину грому», когда-то защищавшему Ханой, с ними было не тягаться. Старый До никогда не видел столько разного оружия.

Сейчас, во время тревоги, у лужайки, где ловили птиц, старый До сидел молча, сложив руки на коленях, и вглядывался в небо, чтобы не упустить стаю. Казалось, вот-вот он дернет веревку и упадет, забьется в сетях птица. «Не уйдешь, вот я тебя»,— бормотал он, обращаясь сразу и к горлицам и к врагу, что был в небе.

Но ни самолета, ни птиц пока не было видно, и дед с внуком решили передохнуть.

— У твоего отца обед сегодня запоздает. Вот неудача! — сказал дед.

Старому До хотелось угостить сына мясом горлиц и послать немного бойцам — пусть полакомятся вкусной птицей. Он замолчал от огорчения, а потом, не желая больше касаться этой темы, перевел разговор на другое.

— Та кора папайи, что ты мне принес, хорошо высушена?

— Очень. У тебя будут хорошие лучинки для трубки.

— Совсем не для них она мне нужна.

— А для чего?

— Скручу веревку потолще, понял? Веревку, да-да, веревку!

Старый До засмеялся, в тишине его смех показался неожиданно громким.

— Такой веревкой можно крепко связать. Зачем веревка, говоришь? А я американца хочу поймать.— И добавил возбужденно: — Пусть прыгают, пусть. Допрыгаются. А я непременно хоть одного, да поймаю.

— И я буду вить веревку.

— Тоже хочешь американца поймать?

Внук засмеялся, сощурив глаза в щелочки. Старый До серьезно сказал:

— Послушай-ка, я давно уже решил переселиться в шалаш, потому и грязь выгреб, колышев наколол, лыка насушил. И совсем не для того, чтоб за птицами было ходить поближе. Это ни с какими горлицами в сравнение не пойдет.

— Так зачем же, дедушка?

— Никто не мог догадаться.

— А я знаю, чтобы вить веревку и поймать американца!

— Потому здесь и остаюсь, что днем и ночью смогу все небо видеть.

Внук задрал голову и посмотрел вверх. Среди поля и вправду было видно все небо, до самого окоема. Глаза мальчика восторженно заблестели:

— Вот это да!

— Смотри, смотри! — закричал дед, сильно дернув сеть.

Подлетали горлицы. Старый До не мог сравниться с внуком зоркостью, но руки его все так же уверенно держали веревку от сетей. На этот раз он вовремя успел подбросить приваду, и тотчас же несколько десятков красноперых горлиц беспомощно забились в расставленных сетях. Мальчик бросился было к соседним сетям и вдруг закричал:

— Дедушка!

— Что такое?

— Самолет, слышишь?

Старый До торопливо сколол вместе концы сети. Пусть горлицы пока полежат здесь, торопиться некуда. Он прислушался к голосу врага.

Вдруг раздался взрыв. Поле задрожало, закачалось, как гамак. Мальчик, задрав голову вверх, увидел ракету с длинным извилистым хвостом и черное пятно, из которого вырвался ослепительно красный сноп огня. Тут же в небе показался красно-белый парашют.

— Дедушка, парашют!

Мальчик, торопясь, закалывал концы своей сети. А старый До спокойно взял лежавшую рядом лишнюю веревку от сетей и обмотал ее вокруг пояса.

Взрыв, только что потрясший поле, напомнил ему, как он пускал подожженных крыс к тэям. Тогда тоже сильно тряхнуло. Он пожалел только, что не успел свить большую веревку, но и эта могла сойти. Он аккуратно поправил ее, спустился к воде и поискал тесак. Да, пожалуй, он стал забывчив. Ведь тесак-то лежит рядом с сетью.

Мальчик, подражая деду, тоже взял из своей сети лишнюю веревку и опоясался ею. Оставив горлиц трепыхаться в заколотых сетях, дед и внук устремились туда, где упал парашют.

Зенитки продолжали стрелять, прогоняя остальные самолеты. Грохотали выстрелы, взрывы, гудели самолеты, но ни дед, ни внук ни на что не обращали внимания.

Им пришлось бежать далеко, на другой конец поля. Там, в бамбуковых зарослях, уже собралось много народу. Американец лежал, скрючившись, на траве. Вокруг в беспорядке валялась одежда — куртка, брюки, ботинки,— так бойцы учили ополченцев брать врага в плен.

Старый До снял веревку. Теперь он хорошо разглядел американца. Он такой же, как и тэи, сгоревшие в посту. Его нужно связать, немедленно связать. Эта веревка маловата, но зато она джутовая, прочная. Он наклонился, приготовил конец.

— Дедушка,— вдруг услышал он голос внука.— Вон мама!

До оглянулся и увидел невестку. Она стояла поодаль с ружьем на плече и, видно, давно уже была здесь. Значит, самые первые заметили американца женщины из «трех замен». Это они окружили его, связали и притащили сюда. И его невестка была среди них. Когда-то мать рассказывала, как она вытребовала назад украденную юбку и сделала из нее набедренную повязку отцу, чтобы он мог пойти с войском биться за город. Да и потом были храбрые женщины, не страшась били тэев. Но таких, как сейчас, еще не бывало!

Теперь у женщин винтовки, они стреляют и из зениток и из пушек. И вот они стоят над американцем, скрючившимся на земле, как поганая мышь.

— Папа!— закричал внук.— Вон папа!

Отец его внука, тот самый младший, которого его первенец увел тогда к партизанам, сейчас стал капитаном. Он с пистолетом в руке бежал с той стороны, где упал самолет. За ним едва поспевали односельчане с мотыгами, веревками, кольями, они гасили пожар вокруг самолета.

Старый До громко крикнул:

— Гет ап!

Пленный вздрогнул, испуганно оглянулся, сгорбился и неловко поднялся.

Тогда старый До крикнул еще громче и увереннее:

— Гоу!

Пленный опять вздрогнул и пошел неверными шагами.

А старый До, старый До несказанно удивился тому, что эти странные, диковинные слова, которые он сейчас выкрикнул — именно он, и никто другой,— оказались такими сильными и заставили американца встать и пойти. Все было точно так, как говорили бойцы.

Он тихонько рассмеялся. Ясно, теперь все ясно!

Октябрьское небо над предместьем вновь было тихим и спокойным.

И горлицы летели, сизые, красноперые. Пришло время ловли птиц.

Перевели с вьетнамского М. Ткачев, И. Зимонина.

СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА.

Традиционное народное искусство Вьетнама.

Фам Зя Зянг. СЧАСТЬЕ.

Чан Ван Кан. ОПОЛЧЕНКА МОРСКОЙ ЗОНЫ.

Александр СЕРБИН

Фото Г. КОПОСОВА и автора.

«На авеню Клебер состоялось пленарное заседание Парижского совещания по Вьетнаму...»
Из газет.

КОРЕНЬ ЖИЗНИ

В одной из служебных комнат ленинградского Ботанического музея, заваленной круглыми срезами древесных стволов, изогнутыми корнями, кусками лиан и пучками веток, плакала вьетнамская девушка по имени Зунг.

Зунг плакала беззвучно, закрыв лицо платком, который она достала из рукава своей красивой розовой кофточки, и ее маленькая фигурка на большом стуле, и поникшие ее плечи, и чуть дрожащие пальцы, прижимавшие платок к глазам,— все было полно острого горя...

На столе перед ней лежала фотография, на которой был изображен ее убитый отец и развалины ее дома.

Печальная у меня была миссия. Эту фотографию аспирантке Ботанического института Академии наук СССР Ха Тхи Зунг передал я. Фотография была сделана в Ханое, на улице Чан Куок Тоан.

На авеню Клебер в Париже вот уже год идут переговоры по Вьетнаму. В дни, когда проходят заседания, от отеля «Крийон» отправляется приземистый просторный лимузин. Около Дома международных конференций лимузин останавливается, и из него выходит человек с фигурой, еще не совсем потерявшей спортивные линии, с сильной сединой во вьющихся волосах. Это представитель Соединенных Штатов Генри Кэбот Лодж. Лодж — человек известный в американской политике, его белозубая улыбка второй десяток лет украшает полосы американских иллюстрированных изданий. Когда на переговорах наступает его очередь произносить речь, он поднимается из-за большого круглого стола и говорит слова, выражающие точку зрения Соединенных Штатов. Например:

— Ваша сторона (это — обращение к представителям ДРВ и Фронта освобождения Южного Вьетнама) не может серьезно рассчитывать на то, что мы примем ваше утверждение об американской агрессии...

Мне бы хотелось присутствовать как-нибудь на заседании, когда слово предоставлено Лоджу. Что может чувствовать в такие минуты этот человек, который в последние годы дважды был послом США в Южном Вьетнаме? О, Лодж — опытный дипломат, он умеет сохранять самообладание. Но все же, может быть, я бы смог понять — по взгляду, по случайному жесту,— что творится у него на душе?..

Ту фотографию, которая лежала перед Зунг, я сделал в октябре 1967 года.

Это было суровое время. Американская эскалация подходила к своему пику. Сирены воздушной тревоги выли в Ханое днем и ночью. Воздушные сражения разыгрывались над самым городом. Американские самолеты рвались к столице методично и упрямо, несмотря на потери. Иногда, в промежутках между тревогами, зарубежных журналистов собирали в Министерстве иностранных дел ДРВ, и там военные сообщали нам, куда попали американские бомбы и какой урон нанесен врагу.

Случилось так, что о результатах одного из американских налетов я узнал раньше, чем это было объявлено на пресс-конференции. Днем 26 октября тревога застала меня в центре Ханоя, недалеко от улицы Чан Куок Тоан. Эта узкая улочка рядом с озером Тхуен Куанг не примечательна ничем особым. На ней стоят жилые дома, и поблизости нет никаких военных объектов.

Полчаса продолжалась какофония выстрелов и взрывов. Потом я увидел, как совсем низко небо прочертил акулий силуэт ракеты, и земля сразу же содрогнулась. Над домами, отделявшими меня от улицы Чан Куок Тоан, поднялся рыже-черный столб взрыва. Спустя несколько минут прозвучал сигнал отбоя, и я бросился в ту сторону, где еще висело облако дыма и пыли.

Американская ракета попала во двор дома № 22. Во дворе стояло еще несколько небольших одноэтажных домиков. Все вокруг было завалено толстыми ветками, сломанными взрывной волной, и кусками штукатурки. Рухнувшие стены открывали внутренний вид комнат: деревянные кровати с разноцветными циновками, засыпанные землей, столы с опрокинутыми чашками еще дымящегося риса, разбитый чайник на полу, перекосившийся отрывной календарь на остатке стены, сломанные стулья. В середине двора, около круглого колодца бомбоубежища, валялась окровавленная соломенная шляпа, и черная лужица крови стояла на его дне. Какой-то человек подвел меня к бомбоубежищу и стал объяснять, что здесь пряталась девушка, которая погибла, потому что попадание было почти прямым, и что, кроме нее, погибло еще двое и шестеро было ранено. Он говорил возбужденно, все время хватая меня за руку, и было видно, что ему очень важно, чтобы все, все на свете узнали, что произошло здесь.

Во дворе уже работали спасатели. Двое из них, в касках, выносили из руин человека. Он лежал на носилках без движения, до подбородка покрытый простыней. Волосы у человека были седые, желтые веки плотно сжаты. Двое в касках остановились на секунду, и я успел нажать на спуск фотоаппарата. Кто-то рядом сказал мне, как зовут убитого, но, потрясенный тем, что было вокруг, я забыл вытащить блокнот. В памяти осталось только, что у этого человека много детей.

В 1969 году я узнал, что его звали Ха Май.

Генри Кэбот Лодж занимал пост посла США в Южном Вьетнаме в 1963—1964 и 1965—1967 годах. Он был исполнителем американской политики во Вьетнаме и одновременно одним из ее творцов. За то время, когда он осуществлял в Сайгоне свою миссию, численность американских войск в Южном Вьетнаме увеличилась с шестнадцати тысяч до четырехсот тысяч человек. За то же время были совершены тысячи налетов на территорию Демократической Республики Вьетнам. В середине 1964 года, когда США еще не начали воздушную войну против ДРВ, на важном стратегическом совещании в Гонолулу Лодж выдвинул идею ковровых бомбардировок Северного Вьетнама. По утверждениям американской печати, он был «горько разочарован», что его идея тогда не получила поддержки. Ее стали проводить в жизнь позже. Лодж в это время еще был послом.

На одном из первых заседаний Парижского совещания по Вьетнаму Лодж, как сообщала американская пресса, «в коротком заявлении отверг коммунистическое обвинение, что США виноваты в эскалации войны».

Весной 1969 года, снова приехав в Ханой, я пошел на улицу Чан Куок Тоан.

Я шел по тротуарам, мощенным черепицей, и сравнивал тот Ханой с сегодняшним. Пожалуй, он не изменился. Такой же зеленый. И так же много цветов — без них не представляешь Ханой, и обилие их рождает ощущение чего-то праздничного. Так было и в самые тяжелые дни. Да, все осталось попрежнему. И так же безостановочно и свободно льется поток велосипедистов. И бабушка, что торгует овощами,— она, кажется, сидела на том самом углу и тогда. А вот где-то тут должна быть мастерская, где из металла сбитых самолетов делали кольца и пепельницы...

Нет, что-то изменилось. Ага, стало больше детей на улицах. Наверное, вернулись из эвакуации. Тогда, я помню, детей в городе почти не было, и это придавало Ханою какую-то мужскую суровость. И вот еще: не видно стальных касок. Раньше чуть ли не у каждого велосипедиста на руле или на багажнике была укреплена каска.

— А в мастерской теперь почти не делают колец,— говорит мне вьетнамский друг, с которым мы идем вместе.— Сырья мало.

Ну, конечно! Американцев заставили прекратить бомбардировки, и «сырья» для этих сувениров не хватает. А те беспилотные разведчики, которых сбивают в небе ДРВ, находят конец главным образом вдали от Ханоя.

Да, изменилась вьетнамская столица. Она всегда была городом, внушавшим ощущение прочности, уверенности. Теперь, после победы в воздушной войне, эту уверенность Ханоя чувствуешь сильнее. Я смотрю вокруг, и мне хочется сравнить его с солдатом, который в своем ратном труде остановился на минутку, снял каску, чтобы вытереть пот и оглядеться. Но тут же я ловлю себя на мысли, что это сравнение неточное. Во Вьетнаме не кончилась война, и Ханой, как солдат, в строю. Сняли каски ханойцы, они не нужны сейчас в городе. Но сам Ханой не снимал ее, не выпускал оружия из рук. И я вспоминаю поездку к ракетчикам, которая была накануне. Она была похожа на ту, что была в 1967 году. Люди были другие, но сейчас, как и тогда, защитники Ханоя готовы к боям. Тут изменений нет.

Ха Тхи Зунг.

А на улице Чан Куок Тоан — перемены. Развалин не осталось. Восстановлены домики во дворе, куда ударила американская ракета, и в них живут люди.

Нас обступили. Вместе с жителями мы стали вспоминать тот день. Его не забывают здесь. Да и как забудешь!

— В тот день у меня погибла жена...— говорит Фам То, госу-

дарственный служащий из комитета по установлению цен.— И сам я был ранен... Потом долго лежал в больнице...

Фам То рассказывает это спокойным голосом, но губы у него в это время белеют.

— Моя семья уцелела чудом,— вспоминает Чан Куан Чунг, механик с деревообрабатывающего завода.— Мы были не здесь, во дворе, а в бомбоубежищах на улице. Только это и спасло. А так бы...

Вдруг его прорывает:

— Ненавижу их! Понимаете, ненавижу! Что им здесь нужно?! Почему они лезут к нам?!

И не нужно было спрашивать, кого он имеет в виду. Тогда «их» звали «джонсонами»...

Потом меня водят по двору и показывают, где ударила ракета, где были люди, что было разрушено.

Здесь я узнал, что того человека на носилках звали Ха Май.

— У него было пятеро детей — четыре сына и дочь. Один сын и сейчас живет здесь,— сказали мне и привели молодого парня. И Ха Нгок Фыонг, ханойский рабочий, рассказал мне об отце. О том, что старый Ха был с Юга. Что еще в 18 лет он вступил в партию. Что участвовал в Первом сопротивлении, а после Женевских соглашений 1954 года, как многие, кто боролся с колонизаторами, переехал вместе с семьей на Север. И, как многие, верил в то, что Вьетнам будет единым свободным государством. Убежденность в том, что его родина будет свободной, не покидала его никогда. Только американская ракета смогла убить в нем эту убежденность — убить вместе с жизнью.

— У меня есть сестра, которая учится в вашей стране. Она пишет нам письма. Но если увидите ее, передайте ей привет и скажите: пусть старается. Когда в дом попала ракета, сестра была уже в СССР. Может быть, у вас есть фотография, которую вы сделали в тот день? Отдайте ей.— У Фыонга было суровое лицо, когда он заговорил о фотографии.

Потом он принес мне конверт, на котором был написан по-русски адрес: Ленинград, улица Попова, Ботанический институт, Ха Тхи Зунг.

Уходя с улицы Чан Куок Тоан, я оглянулся, чтобы запомнить эти маленькие домики со свежей штукатуркой, окрашенные в светло-желтый цвет. Словно бы и не взрывалась здесь американская ракета. Но она взорвалась!..

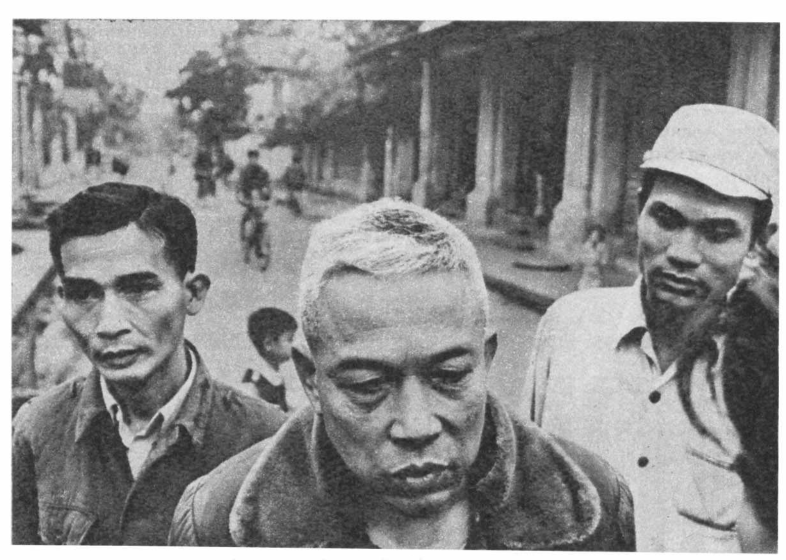
В 1967 году Генри Кэбот Лодж был настроен очень оптимистично. В Вашингтоне, делая доклад о положении во Вьетнаме, он предсказывал, что этот год увидит «сенсационные» результаты.

Впрочем, и двумя годами раньше он обещал в два года очистить провинции вокруг Сайгона и «сломать змее хребет».

Не было недостатка в самоуверенных заявлениях и у коллег Лоджа. Генерал Уэстморленд, командующий американскими частями в Южном Вьетнаме, представлял себя как человек, который «доводит работу до конца», и многообещающе называл воздушную войну «моей доброй правой рукой». Военный министр Макнамара провозглашал, что лишь «вопрос времени», когда США «доведут войну до успешного конца». Генерал Тейлор, заменявший Лоджа в посольском кабинете в Сайгоне, обещал «коренной перелом» в войне.

И Макнамара, и Тейлор, и Уэстморленд ныне выключены из сферы вьетнамской политики Соединенных Штатов.

Под Сайгоном силы освобождения Южного Вьетнама ведут бои с оккупантами. Воздушная война против ДРВ окончилась провалом с немалыми для США потерями.

Жильцы дома № 22 по улице Чан Куок Тоан — свидетели бомбардировки.

Во время осады Ленинграда в оранжерею Ботанического института попала фашистская бомба. Конечно, уже давным-давно все здесь восстановлено, и, кажется, не все об этом и знают. Но Зунг знает. И о Ленинграде многое знает. Может быть, от брата. Ха Ки, ее брат, тоже учился в Ленинграде, защитил здесь диссертацию (он зоолог) и недавно возвратился на родину.

А Зунг еще здесь, и работы у нее впереди еще много.

Профессор Игорь Владимирович Грушвицкий, научный руководитель аспирантки из Вьетнама, рассказывал мне в Ленинграде:

— У Зунг очень интересная тема. Вы знаете, конечно, про «корень жизни» — женьшень. Так вот, у женьшеня есть родственники, так называемые, аралиевые. И эти растения имеют свойства, близкие к свойствам женьшеня. Очень важно установить и сходство и различие между родственниками. Но это еще дело будущего, а пока нужно изучить сам род аралий, в который входит целых семнадцать видов. Зунг начнет с того, который называется пентапанекс. Раньше было известно, что это растение распространено в Южном Китае. Но теперь установлено, что оно встречается и на севере Вьетнама. Видите ли, вьетнамская флора еще не изучена как следует...

И дальше Игорь Владимирович начал увлекательно говорить о вьетнамской флоре, о том, что исследователей ее ждут очень интересные вещи, и как важны для этого кадры ботаников, и что Зунг — просто молодец, она уже учит русский язык и одновременно начала заниматься французским, и что скоро она должна поехать во Вьетнам, чтобы заняться там поисками этого самого пентапанекса.

А маленькая Зунг сидела в это время на стуле, который был для нее слишком велик, и мысли ее бродили где-то далеко, наверное, на улице Чан Куок Тоан.

Я мало знаю о пентапанексе, но мне нравится, что его тоже можно назвать «корнем жизни». Должна быть огромная уверенность в будущем у народа, который в годы военных испытаний посылает людей учить ботанику. Когда-то еще пентапанекс и его шестнадцать братьев будут изучены, когда-то станут они полезными человеку, а страна, которая живет в обстановке войны, навязанной ей, думает о кадрах ботаников!

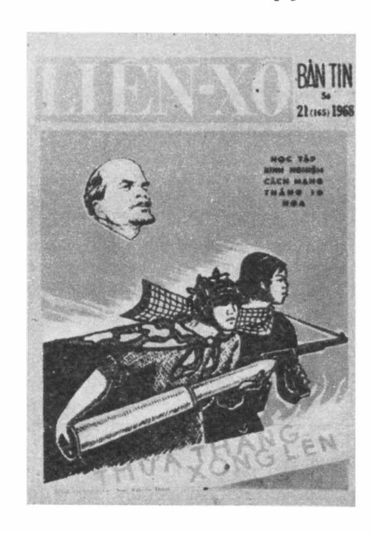
Эта вера в будущее — корень жизни целого народа. Его не смогли вырвать враги Вьетнама, как глубоко ни перепахивали они бомбами и снарядами вьетнамскую землю.

Я спросил позже у Зунг: что бы она сказала, доведись ей выступить на заседании в Доме международных конференций в Париже?

— Я бы сказала,— ответила мне Зунг, и голос ее зазвучал твердо,— американцы должны уйти из Вьетнама. Безо всяких условий. И навсегда. Ведь справедливо, что судьбу страны должны решать те, кто в ней живет. А если они будут продолжать свою агрессию, то мы будем сражаться до конца. Братья пишут мне: если будет нужно, мы уйдем в армию. Так думают у нас.

...А все-таки интересно: что чувствует и какими мыслями обуреваем мистер Лодж, когда в Париже он излагает позицию Соединенных Штатов? Неужели не вертится в его голове слово «безнадежность»?

БЛИЗКИЙ ДРУГ — «ЛЬЕН СО»

Обложка номера «Льен Со» работы вьетнамского художника.

Семь лет агентство печати «Новости» издает здесь на вьетнамском языке журнал, который выходит два раза в месяц и называется «Льен Со» — «Советский Союз». У нашего журнала широкий круг читателей, широка и разнообразна тематика. «Льен Со» рассказывает вьетнамским друзьям об успехах советской экономики и науки, о мужестве и героизме советских людей в годы гражданской и Отечественной войн, о жизни воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Сейчас журнал много пишет о подготовке к празднованию Ленинского юбилея, о жизни и революционной деятельности В. И. Ленина, о богатстве его теоретического наследия, о борьбе КПСС и всего коммунистического движения за претворение в жизнь идей марксизма-ленинизма.

Число читателей «Льен Со» возрастает с каждым годом. Об этом говорит и то, что тираж журнала недавно увеличился в полтора раза, и то, что в бюро АПН приходит все больше и больше писем.

«Очень приятно отметить,— пишет товарищ Ле Вьет Дык из Ханоя,— что ваш журнал успешно выполняет свою задачу — распространение великих идей ленинизма, ознакомление с многогранной жизнью советского общества, отражение братской дружбы и боевой солидарности между нашими народами».

«Для нас, вьетнамских педагогов,— говорится в письме товарища Нгуен Кон Чыонга,— «Льен Со» — большое подспорье в работе. Многие наши учителя внимательно читают ваш журнал, делают выписки, которые затем используют на уроках. Когда мы рассказываем о Советском Союзе, мы всегда подчеркиваем самоотверженность советских людей, их беззаветную преданность родине».

«Ваш журнал «Льен Со» уже давно стал близким другом нашего подразделения,— написал солдат Вьетнамской народной армии Нгуен Ван Тхын.— Его с увлечением читают и солдаты и офицеры. Нам радостно сознавать, что советские люди всегда рядом с нами, что они под руководством КПСС и Советского правительства оказывают нам всестороннюю помощь, чтобы приблизить день нашей окончательной победы над американскими агрессорами».

...Скоро мы выпустим новый номер «Льен Со».

А. ЖЕМАЕВ,
собственный корреспондент АПН

г. Ханой.

Невский

Иван КЫЧАКОВ

Повесть

Часть третья

> Не бойся зимы —
> бойся отзимка.
> Пословица.

Запорожца привезли на допрос вечером, и первое, что запомнилось ему,— тени...

Их было много — целые толпы — тут и своя тень, ползущая по стенам коридоров, и тень надзирателя, молчаливо шагающего за спиной, и тени часовых у ворот, у дверей зданий, у дверей кабинетов, и тени каких-то молчаливых людей, переходящих из комнаты в комнату и раскланивающихся друг с другом.

Допрашивали его в том же кабинете, что и Ульянова, но большие окна были темны, а люстра, чернеющая под потолком, не зажжена.

Свет падал откуда-то сбоку, и фигуры допрашивающих (это были те же Кичин и Клыков) отбрасывали на портрет царя черные изломанные пятна. Они все время меняли форму — то вытягивались, то расширялись, то, резко прыгнув, замирали на месте, и лицо самодержца, выглядывавшее из-за этих теней, редко появлялось целиком, чаще всего видны были то лоб, то глаз, то борода, а то и совсем лишь один эполет на узком плече.

На вопросы Петр отвечал односложно и монотонно, будто говорил не он, а какой-то аппарат внутри него. Уроки Ульянова — как вести себя на допросе — Запорожец усвоил хорошо и сейчас, как на ответственном экзамене, стремился к одному — точно исполнить все, чему учили.

«Виновным себя ни в чем не признаю». «Пропагандой противоправительственного направления не занимался». «Прапорщика Александрова, студентов-медиков Сущинского и Белецкого не знаю». «Рабочих Шелгунова и Яковлева не знаю». «На сходке в Удельном лесу не был». «Воззвания к прядильщикам фабрики Кенига нашел в ватерклозете». «Шесть паспортов остались у меня со времени нахождения моего в экспедиции по орошению на юге России и Кавказе — паспорта были просрочены, отдать их рабочим я забыл».

Сколько длился допрос, Петр не знал, да это ничуть и не интересовало его. Когда заставили подписать протокол, он искренне удивился:

— И это все?

— Нет, молодой человек,— сказал Клыков,— это всего лишь начало, да, да, начало вашего конца.

Что он хотел сказать, этот высокий человек с такой приятной улыбкой? Конца? А разве это не конец? Значит, они приготовили еще что-то такое, что на их языке называется концом, настоящим концом?!

С этой мыслью Запорожец и ушел в камеру...

А Клыков, произнося слова о конце, держал в голове, как он любил говорить, один пунктик, который, кажется, совсем выскользнул из поля зрения Кичина.

Конечно, допрос Ульянова никак не мог удовлетворить подполковника. Более того, он оскорбил его жандармское самолюбие — все усилия запутать, запугать или хотя бы на время ошеломить заключенного ни к чему не привели.

Зато Запорожец порадовал.

И хотя он внешне выглядел спокойным и отвечал на вопросы явно по заготовленному плану, Клыков каким-то внутренним чутьем угадывал, что в душе у заключенного бушует буря. Из многочисленных примеров он знал, что именно вот такие, на вид большие и сильные люди, легче всего ломаются. (Поучая подчиненных, он всегда при этом приводил в качестве примера первомартовца Рысакова, которого от беспримерного самопожертвования до беспримерного предательства разделяла всего одна ночь.)

Перебирая в памяти детали допроса Запорожца, Клыков все более и более убеждался, что молодой человек растерян, подавлен и душевно рассеян и что именно этот «пунктик» как раз и может переломить весь ход допросов. В голове подполковника уже созрел план дальнейших действий в отношении Запорожца, план, не раз и не без успеха испробованный на деле.

Когда же ему сообщили, что вместо него назначен Филатьев, самолюбие подполковника взыграло, и, затаив тихую злобу, он замкнулся. «Хорошо,— думал он,— посмотрим, каким ключиком вы отомкнете Ульянова».

И вот теперь, когда Кичин так жестоко набросился на него, приказав «приискать вместо Ульянова новое лицо», Клыков, конечно, сначала глубоко оскорбился, потом, несколько успокоясь, злорадно усмехнулся:

— Ага, без меня не обошлись...— и надолго задумался.

«Хорошо же,— решил он — когда-нибудь я отомщу. А сейчас... сейчас надо доказать, что только я могу спасти вас, милейший»...

И на следующий день, благодушно улыбаясь, он докладывал о деле Лахтинской типографии.

— Располным-полна коробочка,— жестом коробейника выкладывая бумаги, говорил он,— кого только нет: малограмотные слесари, студенты и слушательницы женских и фельдшерских курсов, преподавательницы воскресных школ и даже один магистр сельского хозяйства.

Кичин уже видел список арестованных, и возбуждение подполковника казалось ему

Продолжение. См. «Огонек» №№ 16—20.

наигранным, а многословность — неуместной.

— Что дали первые допросы? — коротко бросил он.

— О, очень многое, — подхватил Клыков, — Екатерина Прейс разговорилась на первом же допросе.

Он ждал, что Кичин как-нибудь выскажет удовлетворение, а может, и поздравит, но тот промолчал. И это ничуть не смутило Клыкова. «Ничего, — думал он, — сейчас ты у меня подпрыгнешь».

— Это не то, что дружки Ульянова. Прейс говорит без умолку и даже дает характеристики своим приятелям.

— А может, хочет обелить других?

— Не думаю. Скорее всего это... — Клыков повертел в воздухе жирным пальцем, — самовозвеличение.

— Что у них за программа?

— Так, пустяковая...

— Точнее.

Резкий тон этого «точнее!» передернул подполковника. «И чего ты ерепенишься?! Еще не хватало, чтобы я стоял перед тобой навытяжку, как мальчишка», — зло подумал он, а сам начал спокойно докладывать:

— Ергин всего лишь первая ласточка, за остальными велось тщательное наблюдение, провокатор Михайлов вовремя сообщил адрес типографии, удалось захватить все — шрифты, валики, станок, краску и большое количество «Летучих листков».

Просматривая их, Кичин усмехнулся: да, конечно, этим «идеологам» далеко до книжки Ульянова. И как т а м ровно ничего не смогли понять из его доклада! Конечно, кружков так много — тут и народники, и народоправцы, и еще эта группа народовольцев, — разобраться во всем этом не так-то просто... Но ведь в докладе все было обосновано довольно четко!

Кичин вздохнул, и этой его минутной растерянностью тотчас воспользовался подполковник. Он выложил главный свой козырь: народовольческая группа, как показывает следствие, отказалась от террора и лишь номинально сохраняла свое название. Стремясь приспособить свою программу к требованиям времени, народовольцы связались с «Союзом борьбы» и, если бы не аресты, возможно, влились бы в него.

Это заявление действительно заставило Кичина подскочить: вот он, спасательный круг! Одним движением можно свести концы с концами, и тогда доклад, показавшийся начальству неудачным, приобретет весомость.

— Но как это доказать? — спросил он осторожно, все еще искоса, но уже более миролюбиво взглядывая на собеседника.

Клыков спокойно начал перечислять факты: Ванеев и Ергин неоднократно встречались, свою газету «Союз» намеревался печатать в типографии народовольцев, многие из той и другой группы лично знакомы, а Запорожец... — тут подполковник сделал многозначительную паузу, — бывал на даче народовольцев и связан с их активным агентом — Марией Ветровой.

Кичин встал.

«Черт побери, — думал он, глядя в окно. — А у подполковника все-таки на плечах голова. Зря я был так груб с ним, зря...»

— Знали бы вы, как я устал, как издергал нервы, — сказал он расслабленным тоном, — сейчас бы нам с вами, дорогой подполковник, уехать к Финскому заливу, сесть в яхту под белоснежными парусами или уйти далеко в леса, с ружьем и собакой. Но...

Он улыбнулся — это была первая улыбка за весь разговор, но зато такая обворожительная, что Клыков тоже улыбнулся.

— Давайте-ка, мой друг, обсудим детали...

...Мысль о той просьбе, которая пишется на простой бумаге с сорокакопеечною маркою, теперь ему показалась совершенно нелепой.

* * *

Ульянов, горячо любивший природу, с детства приучался не бояться ее грозных явлений. Он мог бы в кругу друзей похвастаться тем, что не раз видел буйные волжские грозы над бушующей от ветра могучей рекой, знает, что такое затяжные осенние дожди с их серым однообразием и монотонной музыкой, но вот что такое душная августовская ночь, он узнал только здесь, в камере.

Когда Кичин заявил, что «дело будет рассмотрено административным порядком», сердце Ульянова болезненно сжалось. На тираду о государе-императоре ответить было нечего, можно лишь сжать кулаки так, чтобы побелели пальцы, да скрипнуть зубами.

«Административным порядком» — это значит, что не будет суда, где мог бы выступать не только прокурор, но и адвокаты, свидетели, присяжные заседатели и, наконец, сам обвиняемый. Ничего этого не будет. «Административным порядком» — это значит, что тот же подлец Кичин в тиши своего кабинета сочинит, не считаясь с показаниями обвиняемых, специальный документ — представление на имя министра внутренних дел. Пройдя через бюрократический конвейер, оно попадет на рассмотрение особого совещания, где четыре юридических старца вынесут соответственное постановление. Затем бумага снова вернется в министерство и будет ждать своей очереди на утверждение. Наконец, министр представит ее ко двору, и надо опять ждать, ждать, бесконечно долго ждать, когда «император повелеть соизволит».

И — хоть бейся головой об стенку — ничего в этой процедуре не изменишь. Ничего.

Шагая от стены к стене в камере, Ульянов думал о том, что, конечно, дать каторгу Кичин не посмеет. До этого у него еще нос не дорос!

Ну, а сколько же все-таки вынесут?

Дело вышло довольно туманным и запутанным. По степени виновности оказалось, что все равны и каких-то особых улик нет. Откопать «главаря» Кичину не удалось. Статьи, обнаруженные у Ванеева, я признал — это отведет от него лишний удар.

Значит?.. Значит — три, от силы пять лет ссылки каждому.

Что ж, могло быть гораздо хуже.

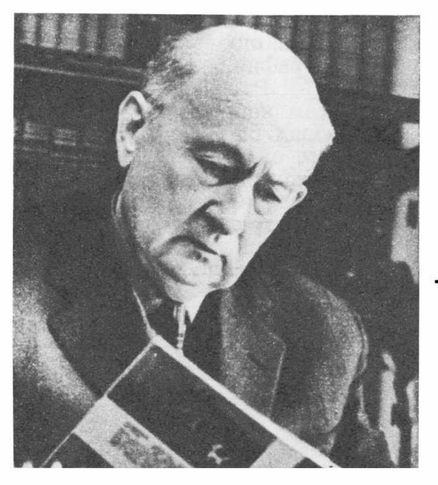
В итоге: ни одного геройского подвига, зато тесная связь с рабочими. А это важнее всяческих «подвигов».

К этим рассуждениям Ульянов возвращался снова и снова. Стоило оторваться от работы хоть на минуту, как начинал представляться Кичин, заваленный подушками пухлых дел, выписывающий на бумагу длин-

Ян СУДРАБКАЛН

Народный поэт Латвийской ССР Ян Судрабкалн — один из славных ветеранов многонациональной советской литературы. Его поэтические произведения популярны не только в Латвии, но и далеко за ее пределами. 17 мая этого года Яну Судрабкалну исполнилось 75 лет. Мы рады поздравить его и пожелать ему многих лет творческого горения.

А люди издавна любили музу!
С народом поднимались и поэты,
Во тьме, средь бедствий, звездами пылали.
Творец строфы волнует наше сердце:
То подстрекает он людей к упорству,
То задыхается в своих газелях
От той любви, которой мы не знали.
Ответьте мне, в каком саду блаженства
Теперь вы, Данте с нежной Беатриче?
И страсть Уитмена и страсть Верхарна
Не завладела ль сдержанностью вашей?
Великие, о вас не забываем.
Но вот сегодня, в час раздумий этих,
Не ухожу я в прошлое чужое,
А к Родине я тихо приникаю.
Со мной мои собратья,
и удары
Их молоточков-пульсов слышу, слышу.
Поэзия,
Не ты ль над полем битвы
Вдыхала запах крови и ютилась
В обугленных развалинах тревожно?
Но с первых дней твоя строка гремела,
Не уходя с передовой на фронте.
О муза!
Вновь перелистав страницы,
Что пахнут порохом, я ощущаю
Поэзии родной, бессмертной силу:
Поэт с рабочим — сóдруги навечно.
Поэт и пахарь — сóдруги навечно.
Поэт и воин — сóдруги навечно.
И если надо, не Пегас крылатый
Выносит песню. Пулемет с тачанкой
Свою неслыханную песню пишет,
Строчит, не уставая, строки смерти.
Да, муза, в твой источник примесь крови
Вдруг попадет, и новых струй фонтаны
Взметнутся вдруг в поэзии бессмертной,
Зовущей к жизни, плачущей о мире.
Поэзия,
Ты не щадишь неправду.
Лжеца ты и предателя осудишь,
Чтоб мир надежен был, как спелый колос,
Чтоб вечно жил в семье народов Ленин.
Поэт, глухим не должен ты рождаться,
Чтоб из сокровищницы нашей речи
Ты выбирал свое живое слово,
Был искренним, и смелым, и открытым,
Таким, как завещал нам Маяковский.
С дороги злое, липкое сметая,
Воспой, поэт, суровый день рабочий.
Воспой любовь! Полынью, солью, медом
Зови ее. Божественная муза
На это не обидится, я знаю...
Да, муза,
Есть миры, что всем незримы,
А мы в них бродим с Пушкиным и Гете.
Там в бороду себе Гомер бормочет

ные столбцы фамилий и при этом ставящий жирные кляксы.

На последнем — четвертом — допросе Кичина не было, на его месте сидел поджарый, с пышными усами Горемыкин. Он вяло, словно бы нехотя, задавал вопросы, даже и не пытаясь казаться остроумным.

Предъявили какое-то письмо за подписью А. Полова, но Ульянов тут же заявил, что никакого Полова не знает и по адресу, указанному на конверте, никогда не проживал. Тогда Горемыкин попытался было вновь заговорить о встречах с Плехановым, но, получив точно такой же ответ, как на предыдущем допросе, недовольно хмыкнул, пожевал губами и встал из-за стола.

Ульянов вернулся в камеру окрыленный. Конец комедии!

Хотя и со скрипом, но следственная машина мало-помалу подвигается вперед. Теперь остается одно — ждать высочайшего повеления.

Перед ссылкой, конечно, дадут несколько дней для встречи с родными, и я увижу, наконец-то увижу Надю. Уж тут-то мы наговоримся!..

О ссылке думалось как-то туманно — будет длинная, нудная дорога, снега, метели. Непременно буду много работать. Закончу книгу. Глубже изучу английское рабочее движение. Займусь философией. Напишу несколько экономических статей. А впереди — партия.

Уснул он быстро. Но в середине ночи неожиданно проснулся: что-то тяжелое навалилось сверху, стиснуло виски, начало душить. Разведя руки в стороны, сделал несколько глубоких вздохов, поднялся.

Чтобы отвлечься, начал в уме вспоминать таблицу к главе о разложении крестьянства. Итак, первая графа — группы дворов, вторая — десятины пашни на один двор. Но так как земля бывает надельная, купчая и арендованная, значит...

С усилием встал, подошел к стене с окном, поднял руку, но пальцы не почувствовали ночной свежести. И только тут он понял, что камера набита духотой, и липкая эта духота лезет в рот, в уши, в нос.

И «телеграф» молчит...

Как может Базиль спать в такую духоту? Они регулярно перестукивались со Старковым, передавая друг другу важные и совсем не важные новости.

А сегодня вот молчит...

Ульянов вздохнул и сам начал стучать.

Старков тут же откликнулся.

— Знаешь ли новость?— спросил он.

Ульянов улыбнулся. Ну, раз такое начало, значит, Базиль придумал что-то веселое: новостей было немного, и Базиль иногда сам придумывал их. Как-то он передал, что у Кичина на мягком месте вскочил чирей.

Но Старков замолчал. И надолго.

Ульянов перестал улыбаться, что-то тревожное шевельнулось в груди, прислонив горячий лоб к стенке, он ждал.

— Арестована Надя,— отчетливо прозвучали в тишине сигналы.

Зажав рукою сердце, Ульянов ушел в угол и долго стоял там, тихонько покачиваясь на носках. Потом сел на кровать, обхватил голову руками.

Все-таки добрались, подлецы! Добрались и до Нади... Что ж, этого следовало ожидать. Значит, мы скоро поменяемся местами. Значит, встреча не состоится. Я буду стоять один на углу Шпалерной, а ее не поведут по коридору. И прийти на свидание нельзя. А потом — ссылка. И я ее так и не увижу.

Духота стала совсем невыносимой. Подпрыгнув, он схватился руками за решетку, подтянулся и начал жадно глотать воздух. Руки ослабли. Опускаясь на пол, на локте чуть содрал кожу. Но зато расслабленность ушла, шум в голове прекратился, появилась та глубокая сосредоточенность, которая всегда выручала в трудную минуту.

Он начал ходить, сначала быстро, потом все тише и тише, чуть не на цыпочках, словно подкрадывался к мысли, которая была где-то рядом.

...Помнится, в день его рождения ходили в лес.

Приближалась весна, набухали почки, снег размяк, но утренний морозец постелил для них ледяную корку, и можно было идти, не проваливаясь. Говорили о делах, Ульянов разошелся, строя планы, говорил без умолку. И вдруг, обернувшись, поймал ее проницательный взгляд, несомненно, сейчас она думала о нем — какой он?

Чтобы не мучиться сомнением, он остановился, притянул ее к себе, заглянул в глаза.

— Ты думаешь обо мне... да?

Она не кивнула, а лишь хлопнула длинными ресницами.

— Тебя пугает, что я иногда резко ставлю вопросы? Кто-нибудь обижается на мою резкость?

— По-моему, нет.

Она сказала неправду. Он-то знал, что были некоторые из более щепетильных, которые иногда дулись на него за прямоту.

— Ты умеешь вглядываться в людей,— сказала она, подумав,— охватить самую суть... Скажи, ведь ты учишься у жизни?

Этот наивный вопрос чуть не рассмешил его.

— Конечно, у жизни. И ты, и я, и все мы...

— Нет, это не всякий умеет — учиться у жизни.— Она сделала паузу и засмеялась.— А хитрить ты можешь?

— Хитрить? В смысле обманывать? Никогда. Это гадко. Я стремлюсь поступать так, чтобы люди чувствовали мою прямоту.

Она нагнулась, зачерпнула горсть снега и кинула в него.

— А женщины? Ты думаешь о них?

Снежок летел прямо ему в лицо, но он ловко увернулся.

— По мере сил.

Она засмеялась, но тут же нахмурила брови.

— Только не смейся. Я спрашиваю серьезно. Вот скажи: какую женщину ты бы смог полюбить?

Теперь он нагнулся за снежком и пробормотал:

— Ну, это такой вопрос...

— Отвечай, прошу.

Он распрямился и, крикнув: — Пли! — с силой бросил снежок, попал ей в шапочку, снежок распался на мелкие бриллиантики. Перестав смеяться, они снова приблизились друг к другу.

— Полюбить?— спросил он.— Женщину? Ну, допустим, ту, с которой общие взгляды, общее дело.

— Знаешь,— сказала Надя,— иногда меня упрекают в «старомодном мещанстве». При этом...— она грустно вздохнула,— даже ссылаются на Энгельса.

Ульянов не смог скрыть улыбки — таким наивным был этот вздох.

— Энгельс писал о том, как важно, чтобы любовь между мужчиной и женщиной развилась и утончилась,— ответил он.— Но находятся люди, которые воспринимают это по-своему. Стремясь утолить жажду, они готовы пить из любой лужи. Нет, нам, революционерам, такая «утонченность» не подходит.

Он вдруг резко вздернул руку, призывая ее прислушаться — внизу, в овраге, невидимый под снегом, сонно бормотал ручей.

— Он уже проснулся,— шепнула Надя.— И о чем-то лепечет...

— Конечно, о любви,—пошутил он, обернулся, крикнул: «За мной!» — и, утопая в липком снегу, побежал на высокий гребень оврага.

Теперь перед ними белело поле. Слева тянулась зубчатая кромка пронизанного синевой леса.

— А как бы ты хотел жить?

— Человеком, которому ничто человеческое не чуждо.

— Ну, это слишком книжно...

— Хорошо,— сказал он просто,— отвечу точнее. Любую замкнутость — семейную или кружковую — презираю. Многогранность и счастье жизни можно понять только в коллективе. Но пересуды, компанейское перебалтывание сплетен за стаканом чаю, вмешательство в чужую жизнь считаю недопустимым.

— А лишения? Голод? Нищета?

— Это я преодолею.

...Он был несказанно рад, что она так подробно говорит с ним обо всем этом. Именно тогда, именно там, у этого поля,

---

Гекзаметр свой. И ты признайся,
муза,
Тебя без нас бы не было на свете,
Ты мозгом нашим создана, руками.
И вот живешь, в дела вникаешь наши.
И странная и страстная такая,
Что если мы уж захотим чего-то,
То захотим! Мы входим в мир мечтаний,
Которого никто постичь не может,—
Мечты все дальше, дальше улетают.
Не потому ль и ты прекрасна, муза?
И будут вечно зелены те рощи,
В которых вместе Лермонтов и Райнис.
Я без поэзии земли не помню.
Вот камень, луг, а вот листок бумаги —
На них рождаются стихи неслышно,
Грохочет день иль тишина над Ригой.
Но ищет, ищет юноша смущенный,
Слова еще не найденные ищет.
А кто-то целый век уже потратил
С тобой с одной на разговоры, муза!
С тобой встает он, плачет и смеется,
С тобой поникнет он в песке могильном.
Но, может, то, что ты ему шептала
В час озаренья нá ухо иль в сердце,
То не сгорит вовек и не исчезнет?
Безумец старый! Я не сплю и в полночь
То в одиночестве, то в многолюдье,
Что городу великому привычней,
Тебя вдруг рядом вижу я и жажду,
Чтоб ты меня хоть раз поцеловала.
Поэзия,
Веков круговороты
Нас, латышей, ломали, и рубили,
И терли, и на части раздирали...
Но русский брат помог, встал одесную,
Чтоб мы уберегли родную Дайну... [1]
Ты меч и щит наш,
наше солнце, Райнис.
Нет, закрома твои не оскудеют,
Хоть будешь нас одаривать веками.
С тобой пойдем на праздник Коммунизма.

Поэзия,
В латышских новых строфах
Да будут жажда вместе с утоленьем,
Да будет то, что в мире всех сближает!
Поэзия, на пиршестве поэтам
Дай место рядом с пахарем, с рабочим,
Со всеми космонавтами вселенной!
Поэзия, ты мед мой в сотах сердца.
Ты человека поднимаешь к солнцу.

Перевела с латышского
Лариса Романенко.

[1] Дайна — латышская народная песня.

надо было сказать самое-самое главное. Но он, как и на Неве, сробел, не решился и только сказал негромко:

— Я, Надя, мечтатель. Человек без мечты, как птица без крыльев.

И вот теперь, в камере, думая об этом, он осуждал себя.

Нет, так дальше не должно, не может продолжаться. Сейчас она под одной со мной крышей, также окружена одиночеством и духотой, и надо немедленно, да, да, немедленно объясниться в любви.

...Когда письмо было написано (писал при свете маленького огарка), он подошел к окну, стараясь дышать глубже, чтобы унять сердцебиение.

Что она ответит?

Если бы можно было встретиться хоть на несколько минут! Как бы сложился разговор?

Может быть так...

— Тебе очень плохо здесь, Надя? В камере темно, сыро?

— О чем ты говоришь?

— Не шути. Допрос был?

— Был. Но я, как и ты, обвожу их вокруг пальца.

— Чем ты занимаешься?

— Собираюсь писать брошюру о женщинах-работницах.

— Молодец. Это очень важно. О книгах не беспокойся. Друзья все сделают.

— А ты?

— Уезжаю в ссылку. Ах, рано выпустили. Надо бы еще поработать над книгой.

— Меня долго не продержат. Я нужна тебе, да?

— Очень!

— Вот потому и не будут долго держать. Я приеду. Ты будешь меня ждать?

— Всегда!

— Прямо отсюда к тебе — в Сибирь. Пусть сибирская пурга заметет все дороги, пусть застрянут в сугробах все повозки и поезда, я пешком приду... Слышишь, я приду...

Измученный духотой, он бросился на кровать вниз лицом, потом повернулся на бок, на спину, тяжело вдыхая и выдыхая. А голос:— При-ду-у-у! — далекий и в то же время близний, знакомый и незнакомый, звучал то слева, то справа, то откуда-то сверху.

* * *

Теперь Кичин чувствовал себя превосходно: хорошо отлаженная судебно-сыскная машина работала четко — поступали новые и новые пачки документов, допросов, подписанных заключенными. Просматривая их, Кичин все время возвращался к мысли о своем новом докладе, который он представит начальству.

...Вошел Клыков и, смеясь, рассказал, что к Запорожцу на свидание пришли сразу две невесты. Осторожно положив на стол папку, похожую на каретную подушку, подполковник вкрадчиво сказал:

— Ваше превосходительство, есть у меня, как бы сказать, одна мысль... Позвольте изложить.

Кичин кивнул, приглашая Клыкова сесть.

— Главным деятелем сообщества нужно назвать Запорожца.

Кичина не удивило это заявление, он и сам часто подумывал о Запорожце.

— Но он упорно запирается.

Подполковник позволил себе вежливо и чуть снисходительно усмехнуться.

— В этой папке — вся его судьба. Тут сотни документов. Мы его непременно припрем к стенке. Но допросы нужно вести иначе...— Он выразительно взглянул на Кичина, тот слегка прищурился и отвернулся.

«Ах, лиса,— подумал Клыков восхищенно,— даже и виду не хочет подать, что понял меня...»

— На свидании он вел себя буйно,— продолжал подполковник,— полагаю, что нужен карцер. Потом мы...— он тут же поправился,— я... поведу планомерную атаку. И поверьте: Запорожец созрел, козырь окажется в наших руках.

Наступила долгая пауза.

— Конечно,— как бы про себя, медленно проговорил Кичин,— ваше предложение... в нем есть, так сказать, некоторый резон. Но рамки... понимаете? Нельзя переступать рамки.

— Значит, вы согласны?— Клыков поймал наконец утвердительный кивок Кичина и встал.— Ну, а о «рамках», ваше превосходительство, не беспокойтесь.

* * *

После свидания Запорожец долго не мог прийти в себя.

Им овладела такая злоба к тюремщикам, что хотелось бить и крушить все, что попадется под руку.

— Это они... это они...— шептал он, в припадке ярости обрушивая на дверь могучие удары.

Петр был уверен, что они нарочно разыграли эту дикую сцену, чтобы не допустить Марию.

Он, конечно, не мог знать, что Марии так же, как и Наде, приходить в тюрьму было нельзя и что сцена с двумя «невестами» произошла случайно — просто друзья, так желавшие чем-то помочь Запорожцу, перестарались.

В ту же ночь его за буйное поведение поместили в карцер и продержали там трое суток, а когда выпустили, он с трудом держался на ногах.

Наступил период полнейшей апатии. Во сне ему опять слышался далекий голос монашки, он вскакивал и начинал без конца ходить по камере. А волчок настороженно горел чьим-то подсматривающим глазом.

Свидания, переписка и прием передач были запрещены. На допросы не вызывали.

И вот, когда он уже начал серьезно раздумывать о том, что его забыли («Надолго ли? Может, навсегда?»), снова раздалось почти торжественно:

— На свидание!

Запорожец вскочил.

Ему показалось, что он ослышался.

«Нет, нет, это зовут не меня, это кому-то другому приказывают идти на свидание. А я буду сидеть здесь, как всегда, один».

— Ну, чего сидишь?.. Пошли,— сказал надзиратель, распахивая дверь.

И Запорожец пошел.

Он был почему-то уверен, что Марию не увидит — они не дадут ее увидеть, они придумали что-то новое и будут следить за каждым его движением, чтобы потом посмеяться над ним.

«Но не-ет,— думал он, размашисто шагая,— на этот раз я не дам им возможности посмеяться, не дам, теперь-то уж они меня не проведут».

Еще из дверей он увидел у решетки девушку и усмехнулся.

Конечно, он не ошибся — это была не Мария.

«До чего же эти тюремщики глупы. Они полагают, что я приму эту особу за Марию?! Она же ни капельки не похожа... Ну, хорошо. Я должен быть спокоен».

Он подошел к решетке вплотную и смотрел, как девушка просунула руки между прутьев, как раскрылись ее губы.

— Что же вы молчите?— издалека донесся ее голос.

Он молчал.

Тогда она прошептала:

— Меня прислала Зина.

— Вы знаете Зину?— спросил он осторожно.

— Пожалуйста, тише. На нас смотрят.

Запорожец обернулся — действительно, надзиратель смотрел в их сторону.

— А вы их боитесь?

— Ну, что вы...

Она повернулась и, чтобы как-то загородиться от глаз надзирателя, сделала движение, точно хотела провести рукой по его бороде.

— Помните, я ваша невеста. Так записано в журнале.

Запорожец вздрогнул.

«Невеста? Да как они смеют так смеяться надо мной! Подлецы, они хотят влезть даже в мою душу?!»

А она не замечала его смятенного состояния, вернее, у нее не было времени заметить его, и ничего не значащей болтовней старалась создать видимость того, что они действительно жених и невеста.

— Что тебе принести, Петр?— спросила под конец она, стараясь заглянуть в его помутневшие глаза.

— Как вас зовут?— отрывисто бросил он и оглянулся.

Она подняла удивленно брови.

— Я же говорила — Мария.

Он снова подумал, что ослышался.

— Мария?

— Да, Мария Рязанцева.

Ее действительно звали так, она была бестужевкой, подругой Зины Невзоровой, однокурсницей ее сестры Софьи.

Запорожец захохотал так громко, что многие оглянулись, а надзиратель, с заложенными за спину руками, осторожно подошел и стал бочком.

— Мария!— повторял Петр, не в силах удержать смех.— Только не надо, не надо лгать. Мария этого не умеет.

Он легко оторвался от решетки и, не простясь, с хохотом пошел к дверям.

* * *

Со всеми арестованными воля имела довольно прочную связь — переписывались, ходили на свидания, носили передачи. О жизни каждого знали многое. И только Запорожец оставался для всех загадкой — как его здоровье, что с ним происходит,— никто не знал. На свидания он не выходил, писем не принимал, а передачи съестного возвращались нетронутыми.

Соседи по камере пытались перестукиваться, но и это ни к чему не привело — стены молчали. Увидеть его на прогулке тоже не удавалось.

Когда Мария Рязанцева рассказала о своем странном свидании с Петром, о том, как он, дико захохотав, ушел, не простившись, Зина Невзорова не на шутку забеспокоилась. Она сообщила о своей тревоге Глебу, тот передал Старкову, Ванееву, Ульянову. Посоветовавшись, решили обратиться с запросом к прокурору. После длительного молчания последовал ответ: «По свидетельству тюремного врача Запорожец вполне здоров. Ничего подозрительного не замечено».

Но сам-то Петр прекрасно понимал, что злой волей тюремщиков ему создан особый режим.

Стоит прилечь, в камере появляется надзиратель: «Не извольте спать. Сейчас на допрос». Поднимешься, ходишь из угла в угол, и опять: «Сядьте. Ходить нельзя». Закричишь: «Уйди, идол! Ну, что ты ко мне пристал!» — и опять тихий говорок: «Кричать запрещено. За крики полагается карцер».

Запорожец сутками не раздевался, спал урывками, не больше пяти минут подряд, и все время чувствовал смутное беспокойство, точно ему надо срочно, вот сейчас, сию минуту надо идти или ехать, но куда и зачем, он не знал.

Когда, изможденный, он свалился прямо на пол, надзиратель вошел в камеру и сидел над ним, изредка тормоша. Унизительные толчки эти Петр понемногу перестал ощущать. Тогда его начали трясти. А когда он, рассвирепев, бросился на своего мучителя, в камеру ворвались сразу трое и с бранью опутали его веревками с ног до головы.

Происходило что-то нелепое и омерзительное, но вспышки гнева и апатии мешали Петру сосредоточиться, до конца понять свое положение и принять решительные меры.

А странное наваждение продолжалось.

В камеру начал заходить франтоватый поручик. Он молча оглядывал Запорожца, как коня на базаре, и, нагло подмигнув, уходил.

— Чего вы от меня хотите?— спросил Петр в одно из таких посещений.

— Вы должны во всем сознаться.

— Выдать товарищей?

— Да.

Это было сказано с таким спокойствием, почти переходящим в беспечность, что Запорожец вздрогнул.

«Ах вы, ничтожные, подлые крысы,— думал он, глядя в молодое лицо поручика и не видя его.— Значит, вы решили, что я слаб, что я боюсь вас... И потому могу стать предателем?!»

Он ухмыльнулся и, сверкнув глазами, повернул голову к окну.

«Да, конечно, я немного несдержан. Да и могу ли я быть сдержан с ними, когда они отняли у меня Марию. Но быть предателем...»

Он громко засмеялся, так громко, что поручик чуть подвинулся к двери.

— Ну что ж... давайте,— сказал Запорожец, пытаясь придать своему резкому голосу беспечность,— выкладывайте свои вопросы. А я буду... молчать!

И он молчал.

А они начали говорить.

Оказалось, что наблюдение за ним ведется уже несколько лет и известно многое.

Они показывали ему перехваченные письма братьев — Виктора и Павла, секретные документы о его подозрительных сношениях с проживающим в Киеве Всеволодом Всеволожским, переписку о пересылке ружья, имеющегося у студента Шпрангера.

Оказывается, о его особе делали специальные запросы сам санкт-петербургский градоначальник генерал-лейтенант фон Валь, директор генерального штаба департамента полиции генерал-лейтенант Петров. А сколько чинов различных рангов, сколько шпиков в поте лица денно и нощно трудились над составлением всевозможных справок, выписок, докладов и распоряжений!

Клыков не боялся вскрывать механику слежки, этим он надеялся запугать Запорожца.

Но тот молчал.

Перед ним листали журналы наблюдений, где были указаны часы и даже минуты его пребывания на той или иной квартире. Ему показывали скрепленные собственноручными подписями показания Михайлова, Галла, Царькова, где подробно рассказывалось о нем, как о пропагандисте.

Он молчал. Даже рукописи, писанные его рукой (что неопровержимо доказала экспертиза), он не признал.

Клыков, так желавший доказать начальству свое усердие, изнемогал. К пухлому делу он смог приобщить лишь два листочка — протоколы допросов Запорожца, где стояли лаконичные — «не знал», «не писал», «вижу впервые».

Особенно запомнился подполковнику последний допрос.

— Слушайте, Запорожец,— ласково говорил он,— дело решено назвать вашим именем. А это каторга. Рукописи для газеты писаны вашей рукой. Значит, вы их автор. Вас видели с Марией Ветровой...

Запорожец вздрогнул.

...— Значит, вы связаны с Лахтинской типографией.

«Они знают о Марии...» — холодея, подумал Запорожец, и голова сама упала на грудь.

Клыков вскочил.

Он понял, что в душе арестанта наступил перелом. Надо ударить его еще раз, и он рухнет.

— Так вот, подтвердите, что «Старик» — это не вы, а Ульянов, что именно он подбивал вас и всех других на преступление. И мы...

Но Запорожец не дал ему договорить.

— Я! Я «Старик»! Слышите, я! И можете меня повесить. Мне все равно.

Он упал на стул. И Клыков испугался — ему показалось, что арестант сошел с ума,— и начал трясти его за плечо.

Запорожец открыл глаза — голубые щелочки были влажны, в них теплилась жизнь и даже мысль, но такая неуловимая, что разгадать ее невозможно.

— Увести его, каналью...— прохрипел подполковник, с треском расстегивая воротник мундира.

Окончание следует.

ЗЕМЛЯ ЭТА ЖЖЕТСЯ!

Потом, спустя некоторое время, слушая «медные гонги народа мыонг», по древним законам встречающих гостя, поэт напишет: «Я на войне — на четвертой по счету». А пока он еще только летит в Ханой, и так живо, так горячо в нем чувство братской солидарности с борющимся народом, что кажется ему: «Как будто — снова к партизанам в отряд Петра Вершигоры».

Этим чувством пронизана вся книга Евгения Долматовского «Девушка в белом» — сложный сплав гнева, боли и любви.

Я жил в тиши, я жил вдали,
Когда ты принял бой.
Вьетнам, Вьетнам, ты боль земли,
Моя живая боль.
Свидетельство моей любви
У мира на виду.
Ты добровольцев позови —
И первым я приду.

Героические подвиги вьетнамских юношей и девушек, их глубокие и красивые чувства, мирный труд, не прерывающийся и под бомбежкой, удивительная красота природы Вьетнама — вся многообразная, кипящая и беспредельно тяжелая сейчас жизнь страны нашли свое отражение в стихах, составляющих эту книгу. И основной мотив, пробивающийся сквозь самые жестокие, ревущие сердце строчки,— непоколебимая, светлая уверенность в грядущей победе мужественного вьетнамского народа.

Весна весны!
И сколько ни бомбят
Несчастный и прекрасный этот берег,
Народ в зеленой куртке, как солдат,
В весну весны, в свою свободу верит.

Книга «Девушка в белом» состоит из двух разделов. Во второй раздел Евгений Долматовский включил переведенные им стихи восьми вьетнамских поэтов. Несмотря на стилевые различия, на звучание разных голосов, сборник представляет собой единое целое, связанное одной темой, одной мыслью. И, когда закрываешь книгу, хочется повторить грозное предупреждение поэта, высказанное им в «Частном письме в Вашингтон из Ханоя»:

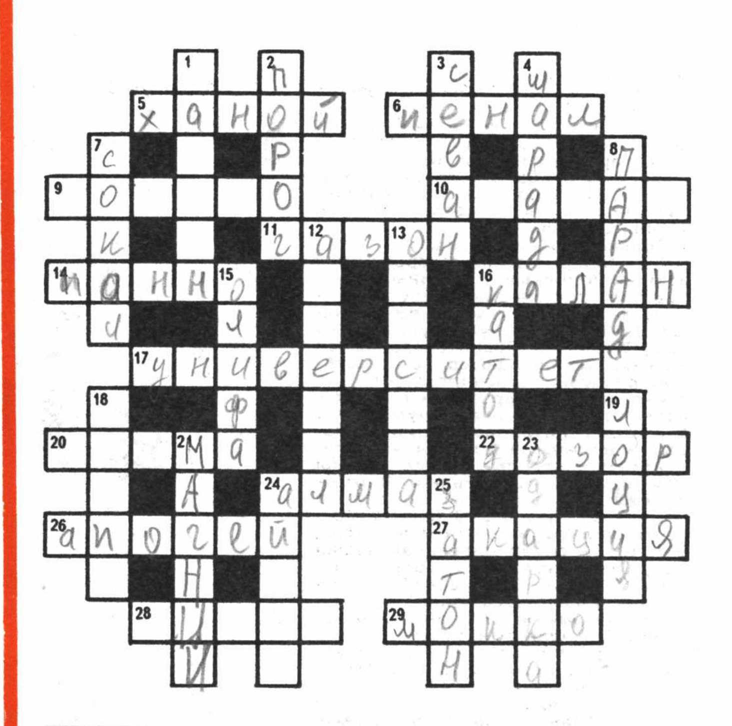
Осторожно!
Земля эта жжется,
Прикасаться не следует к ней.

Н. ЦВЕТКОВА

Евг. Долматовский. Девушка в белом. Книга стихов. М., «Советский писатель», 1968.

Редакция «Огонька» сердечно благодарит всех вьетнамских друзей, принявших участие в работе над этим номером.

Линогравюры в номере художника М. Самсонова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Столица ДРВ. 6. Футляр для хранения ручек, карандашей, перьев. 9. Предмет мебельного гарнитура. 10. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 11. Участок земли с искусственным травянистым покровом. 14. Часть стены, украшенная живописью. 16. Камчатский бобр. 17. Высшее учебное заведение. 20. Снасть для укрепления мачты. 22. Небольшой отряд, высылаемый для охранения и разведки. 24. Минерал, драгоценный камень. 26. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 27. Декоративное растение семейства мимозовых. 28. Музыкальный ударный инструмент. 29. Сорт кофе.

По вертикали:

1. Река на Северном Кавказе. 2. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 3. Озеро в Армении. 4. Загадка. 7. Птица семейства ястребиных. 8. Торжественный смотр войск. 12. Опера Г. И. Майбороды. 13. Действующий вулкан в Мексике. 15. Продукт, применяемый для производства красок, лаков. 16. Электрод. 18. Порт в ДРВ. 19. Пособие по навигации. 21. Серебристо-серый металл. 23. Действующее лицо оперы С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 24. Узбекский писатель. 25. Участок водного пространства для стоянки речных судов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

5. Янонис. 6. Карась. 9. Антарктида. 10. Троллейбус. 11. Арабика. 13. Пенька. 15. Понтон. 16. Пурус. 18. Ассистент. 22. Лилль. 24. «Даурия». 25. Апрель. 26. Аметист. 28. «Двенадцать». 29. Телеграмма. 30. Менчик. 31. Цитата.

По вертикали:

1. Контральто. 2. Бессеменов. 3. Лисица. 4. Патока. 7. Стайер. 8. Оборот. 12. Бересклет. 14. Авиация. 15. Платина. 16. Посол. 17. «Степь». 19. Барокамера. 20. Маргаритка. 21. Партер. 23. Гломма. 26. Адажио. 27. Таллин.

На первой странице обложки: Вьетнам непобедим! На последней странице обложки: Встреча с «Фантомом».

Фото Г. Макарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00104. Сдано в набор 6/V-69 г. Подписано к печ. 20/V-69 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 1005. Заказ № 1307.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Г. КОПОСОВ, А. СЕРИКОВ

У берега озера сходятся четыре улицы.

Названия у них почти как из волшебной сказки: улица Игральных Карт, улица Ювелиров, улица Подносов, улица короля Динь Тьен Хоанга. И озеро тоже со сказочным названием — озеро Возвращенного меча.

Только это не сказка.

На улицах вполне современные здания, книжные магазины, кинотеатр, в котором часто идут советские фильмы, городская почта, кафе. Дом № 1 на углу улиц Динь Тьен Хоанга и Подносов занимает аптека, где продаются не волшебные снадобья, а лекарства от прозаического насморка или головной боли. Напротив нее — шумный, с большими витринами универсальный магазин. На третьем углу перекрестка, где смыкаются улицы Ювелиров и Игральных Карт — просторный выставочный зал, а на четвертом, на берегу озера, разместились милицейская будка, в которой сидит маленькая милая девушка в песочного цвета форме — хозяйка перекрестка, и цветочный киоск, заваленный розами, гладиолусами и еще какими-то неведомыми чудесами флоры.

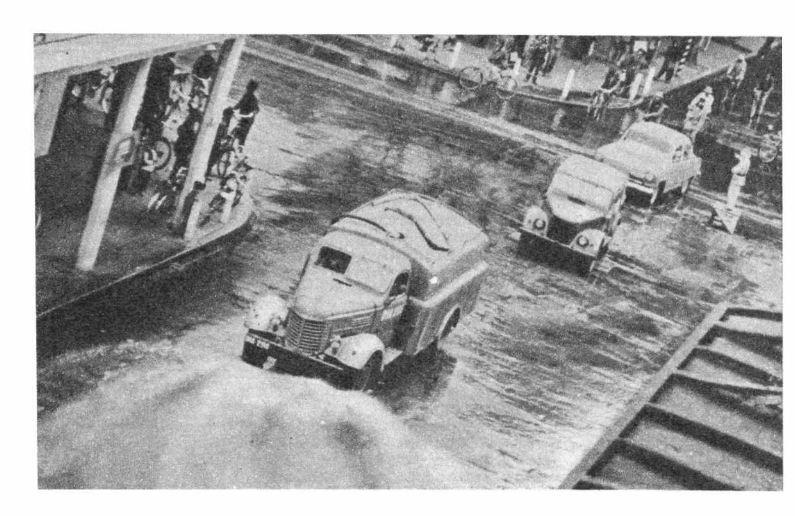
Перекресток этот — один из исторических центров Ханоя. Правда, история не сохранила здесь многого. Рядом с перекрестком стоит небольшое каменное здание, похожее на часовню — это было начало входа в большой буддистский храм, который разрушили французы. Только названия улиц хранят память о прошлом. О ремесленниках, живших здесь раньше. О Динь Тьен Хоанге — этот вьетнамский суверен был первым, кто объединил страну. Озеро Возвращенного меча напомнит о рыбаке Ле Лое, который в пятнадцатом веке возглавил освободительное движение. Легенда рассказывает, что он получил от богов волшебный меч, а когда победа над врагами была одержана, то боги послали к нему обитательницу озера — черепаху, чтобы взять меч обратно. Говорят, что и сейчас в этом озере живут большие черепахи, которые иногда выходят на берег...

В годы, когда Вьетнам был под колониальным игом, улицы пытались переименовывать. Одна из них была названа улицей Соединенных Штатов. Название продержалось недолго. Недавно, в то суровое время, когда американские самолеты ожесточенно бомбили Ханой, в цветочном киоске особенно часто спрашивали венки — было много жертв американских бомбардировок. На площади у театра, к которому ведет улица Ювелиров, рвались тогда шариковые бомбы. А недалеко от перекрестка, у здания банка, был взят в плен воздушный пират, самолет которого был сбит над столицей. Около цветочного киоска тогда стоял большой стенд, на котором постоянно менялись цифры — 2 398, 2 461, 2 500, 3 000. Вьетнамцы отмечали свои победы числом уничтоженных американских самолетов.

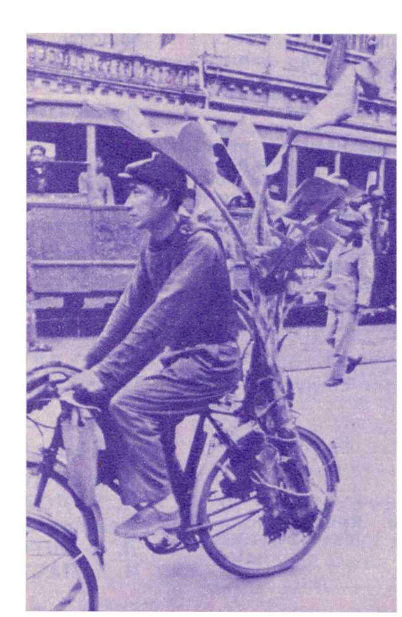
...Рано просыпается перекресток. Еще не растворились в свете дня предутренние сумерки, а он уже наполнен переливчатыми трелями велосипедных звонков. Пройдет по улице Игральных Карт трамвай, спешащий к окраинам Ханоя — мимо озера, мимо стенда, где раньше писали число сбитых самолетов США, а теперь висит реклама выставки, посвященной успехам промышленности столицы. Вежливо гудя, промелькнет легковая машина с дипломатическим знаком, лавируя в нескончаемом потоке велосипедистов. Неторопливо проедет поливальная машина советской марки, пытаясь согнать жару с улиц прохладным дождем. Прошагает отряд молодых парней в солдатской форме с автоматами. Ближе к полудню через перекресток пробегут мальчишки и девчонки со школьными сумками — кончились уроки в соседней школе. Потом наступает время дневного отдыха, и перекресток замрет, чтобы снова шумно и бойко ожить через несколько часов. И тогда девушка в песочной форме покидает будку и начинает управлять лавиной движения, строго следя за нарушителями.

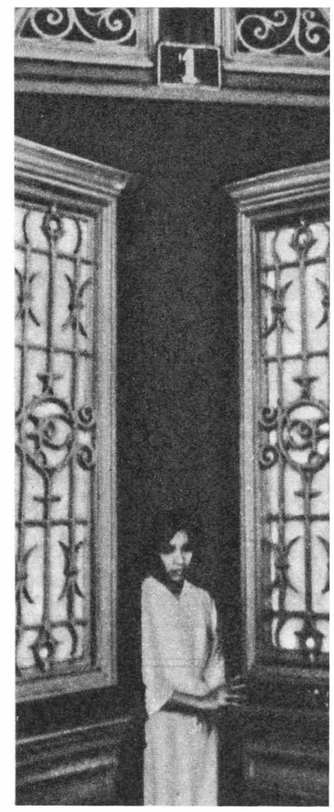
А когда на город спускается вечер, еще долго горят витрины в универсальном магазине, толпятся люди у входа в выставочный зал и около кинотеатра.

Бурно и кипуче живет маленький перекресток на берегу озера Возвращенного меча. Как Ханой. Как Вьетнам.

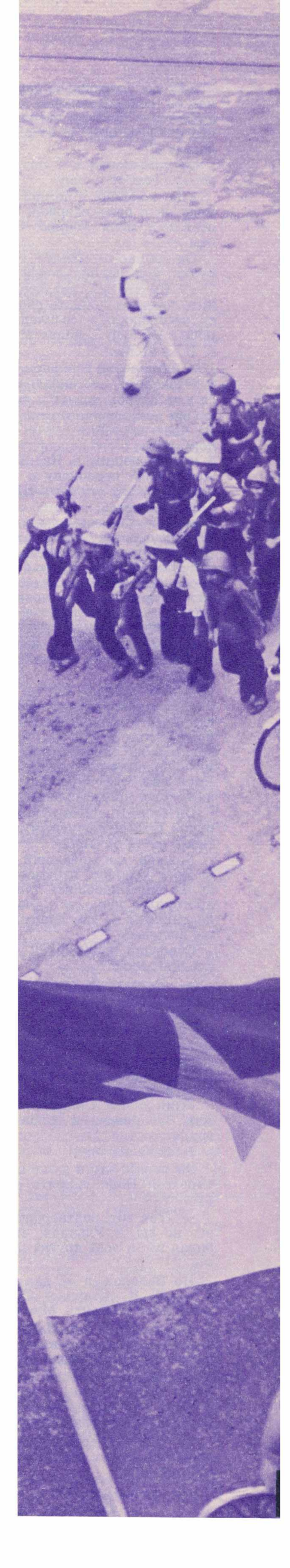

ханойский перекресток

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.